

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 23 ИЮНЬ 1977

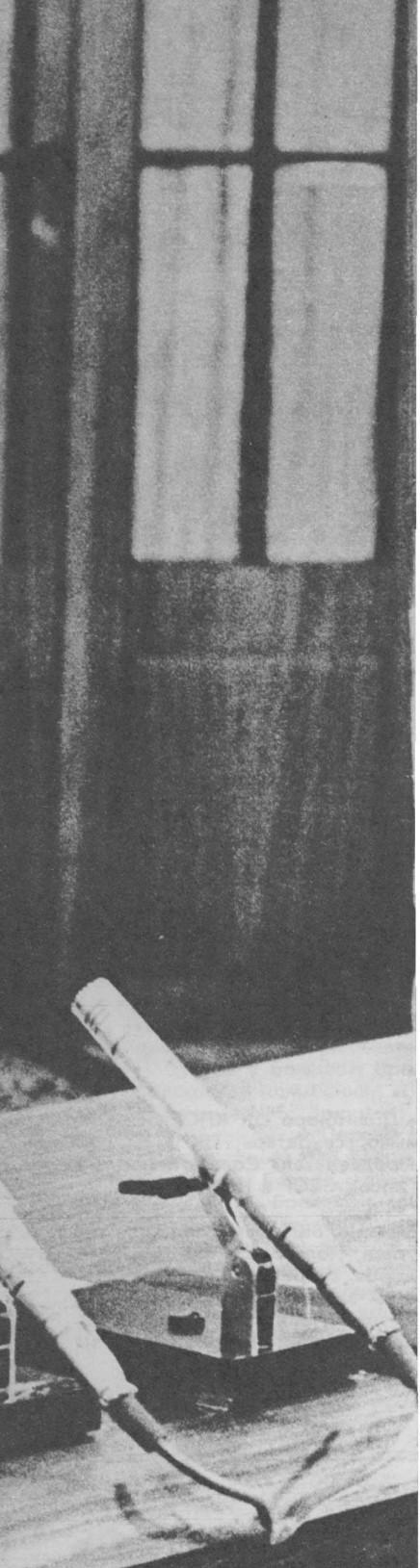
БАМ -

29 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев выступил по телевидению в связи с завершением на советском телевидении Недели Франции.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

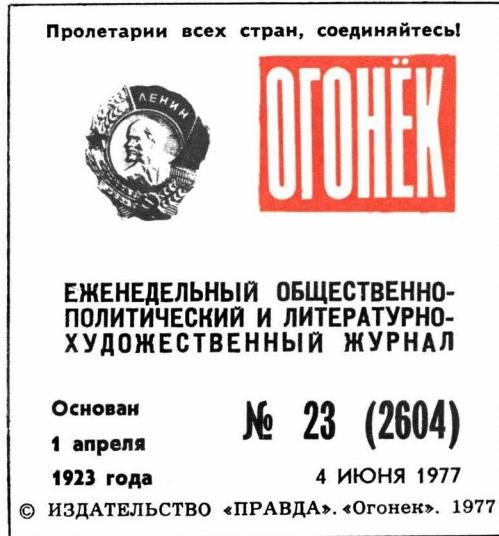
ВЫСТУПЛЕНИЕ Л. И. ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ 29

**УПРОЧЕНИЕ МИРА—ОДНА ИЗ
ВАЖНЕЙШИХ ГАРАНТИЙ ВЕЛИ-
ЧАЙШЕГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА—
ПРАВА НА ЖИЗНЬ. Но жизнь
мы понимаем не просто
как существование, а как
существование, достойное
человека. Разумеется, раз-
ные социальные слои и
разные политические силы
придерживаются различных
общественных идеалов. наш
народ 60 лет назад всерьез
и бесповоротно определил
свой путь—путь социализма
и коммунизма.**

Л. И. БРЕЖНЕВ

**БРЕЖНЕВА
МАЯ 1977 ГОДА**

Подписание советско-болгарского коммюнике.

БРАТСТВО, СЕРДЕЧНОСТЬ

По приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 30 мая в Москву с официальным дружеским визитом прибыла партийно-правительственная делегация Народной Республики Болгарии во главе с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ товарищем Тодором Живковым.

30—31 мая в Кремле в обстановке полного единства взглядов, сердечности и братской дружбы состоялись советско-болгарские переговоры.

Переговоры вели: с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежnev, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Со-

вета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, член ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков, член ЦК КПСС, посол СССР в НРБ В. Н. Базовский;

с болгарской стороны — Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков, член Политбюро ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ С. Тодоров, секретарь Болгарского земледельческого народного союза, первый заместитель Председателя Государственного совета НРБ П. Танчев, член Политбюро ЦК БКП, первый заместитель Председателя Совета Министров НРБ Т. Цолов,

Вручение товарищу Тодору Живкову высшей награды Советского Союза.
Фото А. Гостева

ВСТРЕЧА

26 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев встретился в Кремле с министрами иностранных дел — Народной Республики Болгарии П. Младеновым, Венгерской Народной Республики Ф. Пуйя, Германской Демократической Республики О. Фишером, Польской Народной Республики Э. Войташеком, Социалистической Республики Румынии Дж. Маковеску, Чехословацкой Социалистической Республики Б. Хнеупеком, участвовавшими в заседаниях Комитета министров иностранных дел государств — участников Варшавского Договора.

Во встрече приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков.

На встрече были рассмотрены некоторые международные проблемы, и прежде всего вопросы безопасности и сотрудничества в Европе в свете Заключительного акта общеевропейского совещания. В этом контексте было подчеркнуто, что социалистические государства заинтересованы в успешном проведении Белградской встречи, в ее позитивных результатах и готовы внести конструктивный вклад в ее работу.

Л. И. Брежнев через министров иностранных дел передал руководителям НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, ЧССР братские приветствия и пожелания успехов в социалистическом строительстве, в борьбе за мир, за углубление и развитие позитивных процессов на международной арене.

Фото А. Гостева

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

член Политбюро ЦК БКП, секретарь ЦК БКП Г. Филипов, кандидат в члены Политбюро ЦК БКП, министр иностранных дел НРБ П. Младенов, член Секретариата ЦК БКП, заведующий Отделом внешней политики и международных связей ЦК БКП Д. Станишев, член ЦК БКП, посол НРБ в СССР Д. Жулев.

Участники переговоров обменялись мнениями по широкому кругу вопросов советско-болгарских отношений. Значительное место в переговорах заняло рассмотрение международных проблем и особенно вопросов укрепления безопасности и сотрудничества в Европе.

31 мая в Большом Кремлевском дворце было подписано советско-болгарское коммюнике о визите в СССР партийно-правительственной делегации НРБ. Документ подписали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Тодор Живков. В тот же день в Кремле состоялась дружеская беседа Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежнева с Первым секретарем Центрального Комитета БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым.

Руководители КПСС и БКП рассмотрели некоторые вопросы советско-болгарского сотрудничества, уделив особое внимание задачам дальнейшего повышения его эффективности. При этом они отметили решающее значение углубления тесных деловых связей КПСС и БКП на различных уровнях. Было выражено обоюдное убеждение в том, что

всестороннее сотрудничество обеих стран закономерно ведет к их постепенному сближению и что этот процесс отвечает коренным интересам советского и болгарского народов, интересам народов всех стран социалистического содружества.

Состоялся обмен мнениями по актуальным вопросам коммунистического и рабочего движения, международной жизни. В ходе беседы была, в частности, отмечена первостепенная важность прекращения гонки вооружений и перехода к разоружению, чему призван служить комплекс соответствующих практических предложений, выдвинутых социалистическими странами.

Беседа прошла в характерной для отношений между КПСС и БКП обстановке единства, дружбы и братства.

31 мая в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежnev вручил орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза Первому секретарю ЦК БКП, Председателю Государственного совета НРБ товарищу Тодору Живкову.

Товарищ Живков удостоен этой высокой награды за выдающиеся заслуги в развитии братской дружбы и всестороннего сотрудничества между народами Союза Советских Социалистических Республик и Народной Республики Болгария, в деле укрепления мира и социализма и многолетнее активное участие в мировом коммунистическом и рабочем движении.

В КРЕМЛЕ

Во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

Выступает кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев.

Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили Луис Корвалан беседует с участниками конференции.

Возложение цветов к подножию памятника В. И. Ленину.

В эти майские дни Баку принимал у себя посланцев 70 стран, которые собирались в столице Азербайджана на Международную научную конференцию на тему «Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки». Ее торжественное открытие состоялось 26 мая во Дворце имени В. И. Ленина.

Конференцию открыл вице-президент Академии наук СССР академик П. Н. Федосеев. С огромным подъемом, бурными, долго не смолкавшими аплодисментами было встречено приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева участникам конференции, которое огласил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев. Затем товарищ Г. А. Алиев выступил с докладом.

На встрече в Баку выступили представители международного

общества большинство стран наших континентов находилось в колониальной зависимости от империалистов. Прошедшие после этого величайшего события шестьдесят лет стали периодом освобождения народов колониальных стран. Сейчас борьбу за национальную независимость и свободу ведут последние зависимые страны.

Говорят член ЦК Компартии Колумбии Пио Альберто Лопес:

— Народы Азии, Африки и Латинской Америки справедливо видают в Советском Союзе надежного союзника и друга. На протяжении многих веков порабощенные народы вели борьбу за свое освобождение. Но только Великий Октябрь, образование Страны Советов сделали эту борьбу победоносной.

Эту же мысль проводит и член Политбюро Ливанской коммунистической партии Гасану Раифа:

— Я рад, что сейчас нахожусь вместе с советскими людьми, ведущими подготовку к 60-летию Великого Октября. Мы стали свидетелями выдающихся успехов советских людей, одержанных за шесть десятилетий. Эти достижения имеют неоценимое значение для народов Азии, Африки, Латинской Америки в их борьбе с империализмом, сионизмом и расизмом. Мы, арабские народы, получаем огромную помощь от советского народа в своей борьбе,

СВЕТ ОКТЯБРЯ

коммунистического, рабочего и национально - освободительных движений, политические и общественные деятели из социалистических стран, известные советские ученые. Пламенная речь Генерального секретаря Коммунистической партии Чили, мужественного и несгибаемого борца Луиса Корвалана останется незабываемой для участников конференции.

О неразрывной связи Великого Октября с судьбами народов мира, об огромном влиянии Октябрьской революции на ход революционного процесса говорили участники научной конференции.

А в перерывах между заседаниями участники конференции беседовали с журналистами.

Юсеф эс-Сибаи представляет на конференции Организацию солидарности народов Азии и Африки.

— Мы своими глазами увидели успехи советского народа, — говорит он. — Великий Октябрь был факелом, озарившим путь народам земли к свободе и миру. До Октябрьской революции подавля-

чувствуем его горячее стремление к справедливому урегулированию ближневосточного кризиса. Мы выражаем советским людям свою горячую благодарность.

О сердечном гостеприимстве бакинцев не раз говорили участники конференции. Окруженные вниманием и любовью, гости работали с особым вдохновением. За несколько дней пребывания в Азербайджане участники конференции смогли познакомиться с жизнью тружеников этой древней земли. Были встречи с нефтяниками, колхозниками, знакомство с живописным Баку, выезды в районы Азербайджана. Конференция закончилась успешно, и, покидая Баку, гости из разных стран сохранят в своей памяти дни, проведенные на гостеприимной земле, и, конечно, навсегда запомнят дружелюбие и горячую симпатию советского народа.

В. ДУНАЕВ,
фото А. ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

ВСЕНАРОДНАЯ ПОДДЕРЖКА

ПЕРЕМЕНЫ ВИДНЫ ВО ВСЕМ

Наш коллектив многонациональный, и все мы трудимся над выполнением решений XXV съезда КПСС. Мои товарищи всегда в курсе всех событий, которые происходят в стране и мире. Все, что важно, мы обсуждаем между собой. Интересным, взволновавшим нас событием последних дней стало сообщение о Пленуме ЦК КПСС, на котором выступил товарищ Л. И. Брежнев с докладом «О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик».

Весь эта вызвала оживленные суждения. Суть разговоров сводится, в общем, к одному: в стране у нас много изменений к лучшему, и эти изменения носят исторический характер. Принципиальные перемены видны во всем — на производстве, на улицах города, дома. Построив социализм, рабочий класс, все трудящиеся страны заняты выполнением долговременной программы строительства коммунистического общества. Ясно, что появилась необходимость в новой Конституции,

чтобы в ней отразить все эти экономические и социальные перемены в нашей жизни.

Скажу о своих товарищах. Поглавляющее большинство их — активные участники выполнения сложных и ответственных задач, стало быть, они своими руками создают те самые материальные блага, тот фундамент, без которых не построить будущего.

У нас возросла производительность труда, повысилось качество продукции, для нас теперь не в диковинку самая современная техника с программным управлением. Сознание ответственности за порученное дело, высокая квалификация, чувство собственного достоинства мастера — вот что отличает сегодняшнего рабочего. Рабочий класс — он ведь в ответе и за прошлое и за будущее страны.

В. КАМИЦИН,
токарь машиностроительного
завода «Знамя труда»,
Герой Социалистического Труда,
делегат XXV съезда КПСС
Москва.

ЗАВОЕВАНИЕ, ДОБЫТОЕ ТРУДОМ

Наша Конституция... Так с полным правом может сказать каждый гражданин Советской страны. И в этом — огромное завоевание советских людей, которым предстоит заинтересованно, широко обсудить проект новой Конституции, отражающей глубокие изменения в нашей жизни, произшедшие за 40 лет.

В проекте сохранены полностью оправдавшие себя основные черты федеративного устройства СССР. Решение вопросов национального государственного устройства — обеспечить полное демократическое сочетание общих интересов многонационального Союза и интересов каждой из образующих его республик, всесторонний расцвет и неуклонное сближение всех наций и народностей нашей Родины — чрезвычайно важно на будущее для многонационального государства. Это

в то же время полно и ярко отражает сплоченность народов-братьев, сплоченность, которая крепнет по мере нашего продвижения вперед.

Белоруссия — прекрасный тому пример. Даже такая сравнительно небольшая ячейка, как колхоз, является показателем дружбы и содружества советских республик. Мы крепко связаны с трудящимися Российской Федерации и Прибалтикой, Украиной и Молдавией. И то, что будет записано в новой Конституции, еще больше укрепит и разовьет наш Союз, мобилизует нас на новые свершения во имя общего расцвета, поможет нам строить коммунизм.

В. КАЛАЧИК,
Герой Социалистического Труда,
председатель колхоза
«Светлый путь»,
Молодечненского района,
Минской области

В зале во время заседаний съезда. Фото О. Иванова и А. Ковтуна [ТАСС]

НАДЕЖНЫЕ ПОМОЩНИКИ ПАРТИИ

Закончился VII съезд ордена Ленина Всесоюзного общества «Знание». Около 1300 его представителей — ученых, специалистов народного хозяйства, передовиков производства, деятелей культуры и искусства — работали в эти дни в Большом Кремлевском дворце.

Продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся приветствие Центрального Комитета КПСС съезду, которое огласил секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин.

«Партия высоко ценит вклад общества «Знание» в дело коммунистического воспитания трудящихся. За 30 лет своего существования оно превратилось в массовую и авторитетную организацию, стала важным фактором в общественно-политической жизни страны... И нет призыва благороднее, чем посвятить себя делу удовлетворения растущих интеллектуальных запросов советских людей, воспитания идеально убежденных, всесторонне и гармонично развитых строителей нового мира», — говорилось в приветствии.

Выражая горячую признательность ЦК КПСС за высокую оценку работы общества, делегаты заверили, что достойно выполнят большие задачи, возложенные на них партией.

В центре внимания съезда находились решения майского Пленума ЦК КПСС. Съезд предложил всем организациям общества «Знание» принять самое активное участие в широкой пропаганде проекта новой Конституции, связав эту работу с подготовкой к 60-летию Великого Октября.

Избрали новый состав правления общества и ревизионной комиссии. Председателем правления Всесоюзного общества «Знание» вновь избран академик И. И. Артоболевский, председателем ревизионной комиссии — доктор экономических наук И. Д. Злобин.

С огромным подъемом съезд принял приветственное письмо ЦК КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу.

ВЫСОКОЕ ДОВЕРИЕ

Две недели остается до 19 июня — дня выборов в местные Советы депутатов трудящихся. Сейчас повсюду проходят предвыборные собрания, встречи кандидатов в депутаты с избирателями.

На собраниях единодушную поддержку избирателей находит курс партии на дальнейшее расширение и углубление социалистической демократии. Советские люди с удовлетворением отмечают, что принятие новой Конституции СССР, проект которой в основном одобрен Пленумом ЦК КПСС, станет важной вехой в политической жизни страны.

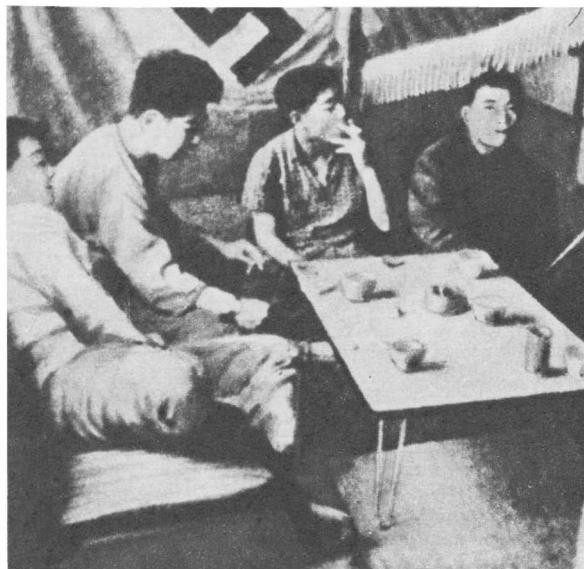
Более двух миллионов двухсот тысяч человек названы кандидатами в депутаты местных Советов. Самым достойным, самым уважаемым людям доверяют избиратели решать жизненные вопросы своей области, своего края, района, города, села.

Среди кандидатов народа знатный киргизский чабан М. Кылжиров и учительница из Кишинева Э. Вангели, ректор Белорусского института инженеров железнодорожного транспорта профессор П. Сыцко и председатель латвийского колхоза «Матиши» Д. Звайгзне, секретарь парткома Уральского новотрубного завода В. Федоров и одна из победительниц всесоюзного конкурса молодых пахарей, девятнадцатилетняя трактористка колхоза «Азербайджан» Саодат Бозорова... Пятый раз выдвинут кандидатом в депутаты ветеран труда председатель цехового совета наставников, модельщик Подольского машиностроительного завода имени Орджоникидзе Александр Александрович Матвеев. Кандидаты народа в полной мере осознают свою высокую ответственность.

После встречи с избирателями товарищи по работе поздравляют кандидата в депутаты Подольского городского Совета модельщика завода имени Орджоникидзе А. А. Матвеева (третий слева).

Фото И. Тункеля

ЯПОНИЯ

«СТОРОЖЕВЫЕ ПСЫ» МОНОПОЛИЙ

Молодые люди, собравшиеся на чашечку сакэ под фашистскими знаменами, — функционеры одной из правых националистических групп Японии. После разгрома японского милитаризма все националистические организации в стране были распущены, однако уже в 50-х годах при попустительстве американских оккупационных властей недобитые фашисты стали создавать вновь свои группы. В настоящее время число правых националистических организаций в Японии приближается к 550, а общее число их членов составляет примерно 120 тысяч человек. Средства для своей деятельности они получают от крупного капитала, а также от преступного мира, с которым у них тесные связи. Деньги поступают и из-за рубежа. Об этом свидетельствует дело «Локхид». Из семи с лишним миллионов долларов, полученных ультраправым лоббистом Кодамой для подкупа высших официальных лиц Японии за оказание помощи в продаже самолетов, значительная часть была передана правым организациям. По выражению японского журнала «Экономист», правые организации как бы паразитируют на теле современного японского общества и превратились в «сторожевых псов» консерваторов. Действительно, «сторожевые псы» верно служат своим хозяевам. И когда рабочие объявляют всеобщую забастовку, то активными противниками борьбы трудящихся за свои права выступают фашистующие молодчики. Они замахиваются даже и на правительство, упрекая его в том, что оно «слишком мягко к забастовщикам». Хотя в настоящее время рост правых организаций незначителен, нельзя сбрасывать со счетов плутовское и разлагающее влияние крикливой демагогии правых, их призывы к японцам «вновь осознать себя потомками древних богов, создавших страну Ямато, подобной которой нет в мире».

Фото из журнала «Джорни»

КИТАЙ

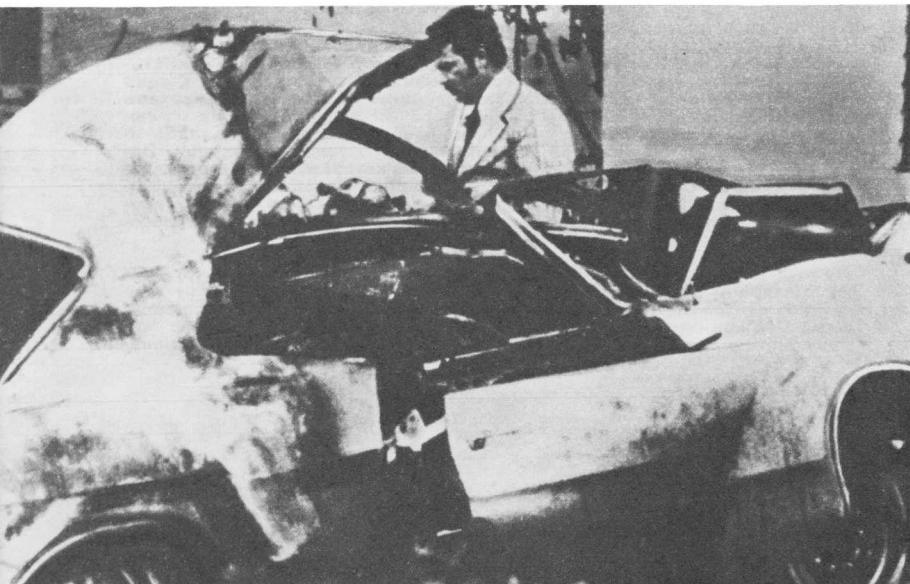
К СМЕРТНОЙ КАЗНИ

По сообщениям печати, в Китае все чаще совершаются казни или выносятся смертные приговоры в рамках кампаний, начатой китайскими властями в связи с волнениями, вину за которые официальные сообщения возлагают на бывших руководителей из так называемой «банды четырех» во главе с вдовой Мао Цзэдуна, арестованных в октябре прошлого года. Очевидцы из Ухани рассказывают, что приговоренным к смерти связали за спиной руки, повесили на шеи плакаты, на которых перечислены их «преступления», затем посадили на грузовики и везли по городу мимо предприятий и школ, чтобы как можно большее число людей непосредственно «осознало, что происходит». Как пишет итальянская газета «Республика», власти, пытаясь вывести страну из состояния почти гражданской войны, в которую ее будто бы ввергли члены «банды четырех», прибегают сейчас к сильным средствам и навязывают порядок жестокостью. Казни имеют целью не столько вытравить «ядовитые семена», сколько убедить людей в том, что в стране снова существует твердая власть, полная решимости бороться против оппозиционеров.

На снимке: осужденные на улицах Ухани.
Телефото АП — ТАСС

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

США

ОСИНОЕ ГНЕЗДО

Майами, один из курортных городов США, примечателен не только роскошными пляжами на берегу Атлантического океана, прохладными пальмовыми аллеями и богачами, убивающими в безделье свободное время. Здесь свили свое осиное гнездо кубинские эмигранты, сбежавшие с острова Свободы после прихода к власти народа. Банды наемников, сформированные и вооруженные ЦРУ, не оставляют мечты силой установить свою власть на Кубе. Для ее осуществления они не только готовят террористические акции против Кубы, но распространяют свою тактику и на территории Мексики, Барбадоса, Ямайки, Панамы и даже далекой Аргентины.

Лишь в прошедшем году они совершили следующие антикубинские террористические акты: обстрел из пулеметов судов Кубы и других стран социализма в открытом море; установка бомбы замедленного действия в самолете кубинской гражданской авиации, взрыв которой привел к гибели 73 человек; похищение двух официальных представителей Кубы в Аргентине; попытка похищения кубинского консула в Мексике. И этим-то бандитам привольно живется в США. Еще бы, взращенных под крыльишком ЦРУ террористов оберегают их старые друзья, большинство из которых в разное время служило в американских правительственные учреждениях. Многие из них занимали сразу по нескольку постов: служили в американской армии, были агентами ЦРУ и тайными осведомителями ФБР. Один из руководителей кубинской эмиграции сказал, что сотрудники американских органов охраны порядка не нашли многих убийц из эмигрантского подполья потому, что «они этого не захотели».

На снимке: в этом автомобиле взрывом подложенной террористами бомбы убит кубинский эмигрант, который был не согласен с тактикой террора и диверсий против Кубы.
Фото из журнала «Ю. С.ニュース エンド リポート»

США

МОРСКИЕ САМОУБИЙЦЫ

Многим жителям Майпорта (Флорида), пришлось принять морские ванны в холодной воде, чтобы помешать большой группе китов выброситься на берег близ устья реки Сент-Джонс. Несмотря на принятые меры, многих из двухсот выбросившихся на берег китов так и не удалось спасти. По мнению специалистов, масовое «самоубийство» морских исполинов объясняется тем, что киты-«люцманы», воинки этой группы, стали жертвой какого-то паразита, проникшего в их ушное отверстие и повлиявшего на работу расположенного в нем своего рода природного радара. В результате животные потеряли чувство ориентации.

На снимке: выбросившиеся на берег киты. Фото ЮПИ—ТАСС

АНГЛИЯ

РЕКЛАМА — ДВИГАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ

Это не «облако в штанах», а скорее «штаны в облаках». Так можно было бы назвать оригинальную рекламу фирмы «Леви». 50-метровые пластиковые джинсы призваны «развеять тучи», которые собираются над фирмой. Инфляция и безудержный рост цен делают ее продукцию все менее доступной покупателю. Фото АП — ТАСС

**Наш
Взгляд**

В ОДНОЙ УПРЯЖКЕ С «ЯСТРЕБАМИ»

Юрий КОРИЛОВ

Вновь оглушительно гремят в Пекине пропагандистские барабаны: антисоветская кампания, развязанная нынешним китайским руководством, принимает все более разнозаданный характер. Пустив на полный ход созданную в Китае огромную пропагандистскую машину, маоисты грубо извращают внутреннюю политику СССР, бесцеремонно вмешиваются в дела нашей страны, клевещут на советских людей, пытаются поучать советский народ, что ему следует и чего не следует делать. Цель этой антисоветской шумихи — отравить сознание трудящихся КНР ядом ненависти к Стране Советов, поссорить китайский народ с советским народом.

И речь идет не только и не просто о разжигании антисоветизма. Прикрываясь флагом антисоветизма, китайские лидеры стремятся обострить международную обстановку, подорвать разрядку международной напряженности, отбросить человечество к временам «холодной», а если удастся, то и «горячей» войны. Не случайно в Пекине то и дело раздаются провокационные заявления о том, что СССР якобы намерен «поработить Китай», что он «концентрирует свои войска на Востоке, нацеливая их против США, Японии и Китая», готовится к «поглощению Западной Европы». Китайская пропаганда предает анафеме саму идею разрядки, навязчиво проповедует неизбежность и даже желательность новой мировой войны.

На срыв разрядки нацелены и внешнеполитические акции Пекина. Если проанализировать, скажем, деятельность маоистов в такой авторитетной международной организации, как ООН, нетрудно убедиться, что вся эта деятельность носит провокационный, а зачастую — и откровенно поджигательский характер. С 1971 года, с тех пор, как были восстановлены права КНР в ООН, маоисты не выдвинули ни одного конструктивного предложения, ни одной позитивной инициативы. Но именно китайская делегация, действуя в одной упряжке с представителем пиночетовской клики, с расистами ЮАР, выступила против инициатив СССР и других стран по созыву Всемирной конференции по разоружению, именно маоисты делали и делают все, чтобы сорвать мирное урегулирование ближневосточного конфликта, именно они пытаются заблокировать предложение о сокращении военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН и использовании части сэкономленных средств на оказание помощи развивающимся странам и т. д. и т. п. А сколько усердия затрачивает представитель Пекина в ООН на то, чтобы изобретать особенно гнусную клевету в адрес СССР и других социалистических стран!

Оголтелый милитаризм Пекина, его гегемонистские, великородственные устремления на внешнеполитической арене, его попытки любой ценой, любыми средствами накалить обстановку — все это отражает неуверенность маоистов в возможности решать насущные и острые внутренние проблемы страны. Китайская экономика продолжает перестраиваться на военный лад: по данным ООН, военные расходы КНР взвинчены с 16-20 до 40 процентов государственного бюджета. Бесчисленные прорехи и провалы в экономике — плачевное наследие, оставленное стране Мао Цзэ-дуном, крайне низкий жизненный уровень трудящихся, растущее недовольство населения, прежде всего рабочего класса, кровавые расправы над «инакомыслящими», не прекращающейся в пекинских верхах борьба за власть — такова panorama сегодняшнего Китая. Диктаторские, антидемократические методы новой пекинской администрации перечеркнули в китайском обществе надежды на то, что смерть «великого кормчего» приведет к позитивным переменам в КНР, и в частности к отказу от бесконечных перетряхиваний и «чисток». Да и сами китайские лидеры во всеуслышанье клянутся, что будут «неуклонно продолжать идти по пути, указанному председателем Мао».

Попытки пекинских лидеров оболгать СССР и его политику, их стремление толкнуть другие народы и государства в пучину мировой войны резко осуждаются широкой международной общественностью, но этот агрессивный, авантюристический курс встречает поддержку определенных империалистических кругов, апологетов «холодной войны». Как отмечал в своей речи на обеде в честь партийно-правительственной делегации Народной Республики Болгарии Л. И. Брежnev, «в Китае и вне Китая есть силы, которые стремятся загнать в тупик и еще больше обострить советско-китайские отношения. Это те же самые силы, которые в нагнетании международной напряженности усматривают для себя политическую выгоду. У них опасные, авантюристические расчеты, против которых мы должны и будем бороться».

Недавно правительство СССР заявило правительству КНР протест против враждебной Советскому Союзу клеветнической кампании в Китае и со всей серьезностью предупредило, что китайские руководители берут на себя большую ответственность перед своим народом за последствия продолжения этой кампании.

Советская нота вызвала широкий международный резонанс. Комментируя этот документ, видные политические и общественные деятели, а также пресса разных стран подчеркивают, что лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, посеять недоверие и вражду между государствами и народами, его стремление спровоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки представляют большую опасность для дела мира, противоречат коренным интересам народов, в том числе и интересам самого китайского народа.

НАШ ГОРОД,

НАШ ДОМ

А. БЕЗЛЮДОВ,
министр коммунального
хозяйства БССР,
кандидат экономических наук

Г

ород как город. И дом как дом. А все же мне хочется начать разговор в «Огоньке» именно с этого дома. Номер 43, улица Ленина, в небольшом белорусском городке Рогачеве. Сам город славится тишиной, зеленью, чистым воздухом, настоенным на травах приднепровских лугов. Дом же № 43 известен примерностью во всем, что мы официально привыкли называть бытом.

К людям, которые живут в нем, никак не подходит казенное слово «квартиросъемщики». Они хозяева. Бережные, кровно заинтересованные в том, чтобы дом отличали современный быт, культура, красота. Палисадники у подъездов, песочницы для детворы, аккуратные скамейки во дворе — своеобразная визитная карточка тех, кто об этом позаботился. Совет жильцов следит за техническим состоянием квартир, наблюдает за качеством ремонта: выносит на обсуждение всех проживающих связанные с общей, если можно так выразиться, судьбой вопросы. И так уже больше десяти лет.

Похвальный пример. Мы, коммунальники, как нас называют, хотим, чтобы только такие примеры были. В республике давно ведется соревнование за звание «Дома образцового порядка и высокой санитарной культуры». Преуспевает здесь не один Рогачев, есть кого похвалить и в Минске, и в Гродно, и в Витебске, и в Гомеле, и в Могилеве. Соревнование пользуется поддержкой местных Советов депутатов трудящихся.

Министерство жилищно-коммунального хозяйства республики

тоже старается сделать все, чтобы людям жилось удобнее, чтобы драгоценное народное достояние — благоустроенные наши дома оставались как можно дольше прочными, нарядными, уютными. У нас привилось, например, перспективное планирование капитального ремонта жилого фонда. Для лучшей его организации в большинстве крупных городов Белоруссии созданы специализированные ремонтно-строительные управления. Новый подрядный метод текущего ремонта позволил при тех же материальных и финансовых затратах повысить почти в два раза производительность труда. Вошли в правило регулярные профилактические осмотры жилых зданий. Однако чем большего мы добиваемся, тем время заставляет критичнее смотреть на вещи.

У нас самая низкая в мире квартирная плата, а ставки квартирной платы уже давным-давно не менялись, хотя за это время в несколько раз увеличилась заработная плата, значительно улучшилась качество и благоустройство домов. На ведение жилищно-коммунального хозяйства государство за счет бюджета ежегодно направляет около пяти миллиардов рублей. В Белоруссии на капитальный ремонт и модернизацию жилых зданий за годы девятой пятилетки в городах и поселках городского типа израсходовано 110 миллионов рублей. Назову еще одну цифру: годовые затраты на ремонт жилого фонда составляют примерно 25 процентов отложений в строительство новых квартир. Суммы огромные. И, естественно, нас не может не волновать отношение людей к своему жилищу. Суть, конечно, не только в материальных затратах, суть и в общей культуре быта.

Больно смотреть, как порой новый дом через каких-нибудь полтора — два года встречает людей грязными лестничными клетками, искалеченными лифтами, ободранными дверями, балконами, где буйно разыгралась чья-то «творческая» фантазия: одни затянуты какой-то пленкой, на других — склады рухляди, из третьих сооружено что-то среднее между теплицей и голубятней. Поневоле приходишь к заключению, что мы не научились еще по-настоящему воспитывать в каждом человеке чувство хозяина, гражданина социалистического города. Очень важно, по моему убеждению, поднять авторитет общественных организаций при домоуправлениях — советов домов, собраний

квартиросъемщиков. Надо дать им больше прав и полномочий; жестче спрашивать за воспитательную работу в доме с местных Советов, а от производственных коллективов требовать, чтобы они че по сигналам сверху или снизу, не от случая к случаю, а повседневно занимались тем, что именуется жизнью за «проходной», после «гудка».

Не хотелось бы, но приходится говорить и об административной ответственности граждан за все, что предоставлено им государством, в частности за жилой фонд. Действующие ныне статьи гражданского законодательства на сей счет порой оказываются расплывчатыми, слишком общими. Статья 326 Гражданского Кодекса БССР да и соответствующие статьи кодексов других республик предусматривают ответственность граждан за нарушение правил пользования жилыми помещениями вообще. Как применять их на практике, если не определена, например, мера ответственности жильцов за поддержание порядка в подъездах и дворах, или за сохранность зеленых насаждений, или за нарушение обязательств по текущему ремонту квартир. А посмотрите, как нечетки иные формулировки закона! Что следует понимать, к примеру, под «систематическим разрушением и порчей жилого помещения»?

У нас фактически нет документа, который регламентировал бы права и обязанности нанимателя и наймодателя квартиры. Семье выделена квартира. Выдан ордер. Но он, по сути, лишь документ на право занять жилплощадь и заключить договор об условиях пользования ею. А сами договоры-то не заключаются. На каком же основании предъявлять взаимные претензии?

И еще — о юридических санкциях, применяемых к нарушителям норм общественного быта. Я не за то, чтоб лишать, допустим, права проживания в государственном доме за малейшую провинность — за сломанный выключатель в подъезде или за самовольную «реконструкцию» балкона. Однако то всепронефтье, которое сплошь и рядом приходится наблюдать нынче, не приносит пользы ни в воспитательном, ни в материальном смысле.

До 1990 года, по прогнозам, жилой фонд в Белоруссии вырастет более чем в четыре раза по сравнению с 1970 годом. В несколько раз вырастут за этот же период мощности городского транспорта, водопровода, канализации и т. д.

Все это потребует роста минимум в пять раз кадров работников коммунального хозяйства республики. Здесь будет занято до десяти процентов населения (знаю, что примерно такая же ситуация и в других республиках). Откуда взять столько народу? Единственный путь — механизация, внедрение достижений научно-технического прогресса: управление лифтами с единого диспетчерского пункта; автоматическое регулирование освещения в подъездах; агрегаты для уборки в подъездах, во дворах; прямая переговорная связь жильцов с дежурными службами — вот примерно наша программа в этой области на ближайшие годы.

Частично мы уже выполняем ее. Институтом «Белкоммпроект» разработан проект полной диспетчеризации жилого района. Она обеспечит контроль за инженерным оборудованием в жилых зданиях и на коммунальных объектах. В Минске создается вычислительный центр по механизированной обработке отчетно-статистической информации. К концу десяти пятилетки в областях БССР начнут функционировать более ста диспетчерских служб.

Но темпы, увы, отстают от жестких и настойчивых требований времени. Пока в республике еще в малой мере механизирован труд коммунальников. Нас очень беспокоит, что заявки министерства на технику полностью, как правило, не удовлетворяются. Предприятия строительного, дорожного и коммунального машиностроения СССР слишком медленно осваивают производство машин и приборов для нашей отрасли.

Тревожит и такое обстоятельство: научно-исследовательские подразделения в составе проектных институтов при министерствах коммунального хозяйства республик уже не в состоянии обеспечить наши нужды. Научной базой, координирующим центром тут может стать Академия коммунального хозяйства имени К. Д. Памфилова, которую, кстати сказать, давно пора преобразовать во всесоюзную.

В связи с этим и о новых требованиях к нашим кадрам. Теперь нашему работнику коммунального хозяйства необходимы солидные инженерные и экономические знания, знания основ социальной психологии. Нужда в квалифицированных специалистах огромна. Единственный в стране Харьковский институт инженеров коммунального строительства не обеспечивает потребностей, выпускники же других вузов слишком долго «преобразуются» в коммунальников. Нам это обходится весьма дорого.

Нужен единый центр для координации всех вопросов развития нашей отрасли, учитывая, что к ней причастны местные Советы, промышленные министерства, оперирующие города химиков, шахтеров, нефтяников и т. д. Нужен центр, который осуществлял бы единую техническую политику и в отношении ведомственного жилого фонда и фонда местных Советов. Нынешние меры в этом направлении — я имею в виду комплексные планы социального развития городов — кардинального решения не обеспечивают.

...Город, в котором мы живем, наш город, наш дом. Их будущее радостнее, краше настоящего. Как скоро оно придет, зависит от каждого из нас.

И. Клычев. Род. 1923. НЕВЕСТКА. 1976.

XIII выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Ю. Кугач. Род. 1917. ДОЖДЬ ПРОШЕЛ. 1976.

XIII выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Радуга над прудом

Борис ОЛЕЙНИК

Словно арка в честь солнца —
В грозовой синеве...
И мальчишка несется
Босиком по траве.

Он — в коротких штанишках,
И в руке его кнут.
И зарницы мальчишку
На край света влекут.

Знает он — и не спорьте! —
Что всех радуг секрет
Прячет синее море,
Где родился рассвет.

Поплыает он бесшумно
По высоким волнам
И прозрачное чудо
Привезет землякам.

Что ж так близко, знакомо
В том мальчишке босом?..
Расписной, невесомый —
Дивный мост над прудом.

СЕЯТЕЛЬ

Селекционеру В. М. Ремесло.

Средь бескрайних степей,
сединою завьюженный,
Вырастает челом в облака
великан.
За спиной согбенно
бабье лето — кликуше...
А хлеба — как года его,
а года — как хлеба.
Каждым зернышком мучился
от весны и до инея, —
Все близки, все родные,
как дети врачу.
Каждый колос зовет его,
называет по имени,
По-сыновьи доверчиво
припадает к плечу.
Сколько поля засеял из рукава
патриаршего,
Сколько золота в колосе —
не ответят весы.

На хлебах его выросли
космонавты и маршалы,
И по зернам эпоха свергла
часы.
Так хотелось бы мрамором
обеспечить бессмертие!
Но беспомощен камень,
он навечно — в живом:
В каждом зернышке видим
лицо его светлое,
В каждом колосе имя его
узнаем.

ВИКТОРУ ХАРЕ

Когда башмаки, закованные
в броню,
Растоптали пальцев его
смуглую клавиатуру,
Гитара в отчаянье рванула
на грифе струну,
И скорбно в стенах моих
застонали бандуры.
Когда наступили на горло ему
торгости,
А он затянул матерей своих
песню высокую, —
Мои кобзари
прозрели в могильной тиши,

Чтоб снова ослепнуть навеки
от боли несносной.
И холодно стало и тихо
в далекой стране,
И ужас наполнил убийцам
пустые кобуры.
И глухо бандуры гудят
на тревожной струне.
Рокочут бандуры — на бурю! —
рокочут бандуры.

Перевел с украинского
Н. КОТЕНКО.

Камский мост

Владимир НАЗИН

В свете падающей звезды
за вагонным окном на Каме
проступают,
как из воды,
жаркой
молодости
следы
на железе моста и камне.
Оживают опять во мне
все, кто с песнею
умирали
на морозе и на огне
за Советскую власть
на Урале.
Это, время, твои сыны
отгорели,
во тьму не канув,
посредине гражданской войны
и стального моста
через Каму.
Передай им, большая вода,
что по следу их
гулько и юно

все бегут и бегут поезда,
ими посланные в Коммуну.

ПРОВОДЫ

В тот год от урожая
прогнулся горизонт.
Деревня
проводила
работников на фронт.
Ей виделись победа
и вечный путь домой.
Солдат
у сельсовета
ждал транспорт гужевой.
Коротким был тот митинг
с речами — в тишину:
«Вы грудью заслоните
Советскую страну».
Но прежде,
чтобы садиться
в телеги и возки,
с версту
пешком
пшеницей
шли молча мужики.
Отзвычивы на голос,
прямые, как судьба,
и были им
по пояс
по той поре хлеба.
А мы вслед глядили —
нам колос
до бровей —
и на глазах взрослели
у скорбных матерей.

Мы рядом с ними встали,
мы встали
в день слезы,
когда темнели дали
в предчувствии грозы.
И знало только поле,
каков
отцовский труд.
...Кровавые мозоли
нам руку обожгут.

АИСТ

Вернулся аист, белый аист!
В полях такая тишина,
что даже
бабы
растерялись:
«Неужто кончилась война?»
Деревня вышла за ворота,
а он на мирную судьбу
над нею сделал круг почета
и сел к солдатке на избу.
Вернулся аист, белый аист!
И до заката пацаны
к нему
на крышу
поднимались
отцов выглядывать с войны.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Во мне любовь — тобой она
владела,
когда я криком потревожил
свет.

Тебе я посвящаю свой сонет,
ты надо мною плакала и пела.
Святая боль в глазах перекипела
и только в сердце не сошла
на нет.
Вот почему и через много лет
его касаюсь памятью несмело.
Там все мое с его ударом
каждым
от первых слов, неповторимых
дажды,
до перебоев ритма в тишине.
Не одолев неутолимой жажды,
оно от счастья замерло
однажды
и ожило с тревогой обо мне.
Свердловск.

Идет операция.

Л. КОРОБОВА

Фото А. БОЧИННИНА

С

диссертации Владимира Петровича Демихова, дополненной и изданной отдельной книгой у нас и за рубежом, открывается новая глава в истории отечественной трансплантации органов, новая глава в истории мировой медицины. Демихов пересаживал у собак сердце, сердце вместе с легкими, голову — его эксперименты были перспективны, и кейптаунский хирург Кристиан Барнард, взбудораживший мир первыми пересадками сердца человеку, присутствовал при его операциях, а позднее, готовясь к уникальной и смелой своей операции — на сердце человека, звонил Демихову из госпиталя за тысячи километров, на другой континент, в Москву, чтобы посоветоваться. Их разговор записан на магнитофонную ленту и хранится в лаборатории московского Института скорой помощи имени Склифосовского.

Оба они, советский хирург и его коллега из Африки, знали, что природа, сотворив человека, не придумала запасных частей для него. Эти «части» предстояло изобрести самим людям. И люди искали, изобретали. Первой такой попыткой можно считать трансплантацию, осуществленную в III веке в Сирии двумя братьями, Космой и Дамианом: они пересадили ногу от негра к белому человеку. Этот исторический факт запечатлен на картине итальянского художника Франческо Пезеллино, находящейся в Луврском музее. Безрассудная смелость древних врачей, которых можно считать родоначальниками трансплантации, вызывала гнев церкви — братья были казнены.

Семнадцать веков отделяют нас от тех трагических событий. Исследования А. Каррея и Ч. Гатри в начале нынешнего столетия пронесли медицину намного вперед; эксперименты Демихова позволили впервые заговорить о трансплантации органов и тканей.

Интерес к новому направлению в медицине — трансплантации — особенно возрос после сенсационных операций Барнарда. Но тут медики всего мира столкнулись с очень деликатной, глубоко нравственной, но и жизненно важной проблемой, обойти которую никак нельзя. Как определить то состояние умирающего человека — да и всегда ли умирающего безнадежно? — когда можно «изымать» его сердце и пересаживать другому человеку?.. Кого должны

в первую очередь спасать врачи? Начались споры, которые не прекращаются и сейчас: нужны ли такие операции? Всемирный конгресс трансплантологов, проходивший в Амстердаме в 1975 году, зарегистрировал: на земном шаре существует более 60 групп хирургов по пересадке сердца. Всего они сделали 271 операцию. С пересаженным сердцем тогда, к 1975 году, жило 47 человек, из них 14 человек — более трех лет.

Советские ученые, продолжая эксперименты по пересадке сердца на животных, возлагают сегодня больше надежд на другой путь — замену больного сердца искусственным, хотя бы для временной подсадки. Сам Демихов разработал 24 варианта пересадки сердца человеку, поиски его продолжаются и сейчас в той же лаборатории, куда приезжал Барнард. Премьер-министр Республики Шри-Ланка господжа Бандаранаике, и господжа Рузвельт, и американский хирург Никсон, брат бывшего президента, — все они побывали в лаборатории на Садовом кольце, чтобы познакомиться с работами советского хирурга-экспериментатора.

...Мужчина выше среднего роста, с карими кроткими глазами, что никак не вязалось в моем представлении с обликом прославленного экспериментатора, в белой шапочке и белом халате, стоял у стены и, указывая на развесенные схемы, объяснял что-то молодой женщине. Та напряженно слушала, кивала, а глазах была растерянность.

— Повтори почти все ваши операции, Владимир Петрович, — с грустью вздохнула она, — но только мои собаки так долго не живут. — Она помолчала, задумалась. — Все делаю, как вы, а все же не живут...

Так я познакомилась с ученицей Демихова Галиной Рожковой, которая занимается пересадкой

органов и тканей в одной из московских больниц. Она пришла к своему учителю не только для того, чтобы рассказать о Кубе, где она совсем недавно работала, но и поговорить о своей кандидатской диссертации: Владимир Петрович ее руководитель. В тот день из демиховской лаборатории мы уходили вместе, и Галина рассказала о своем учителе:

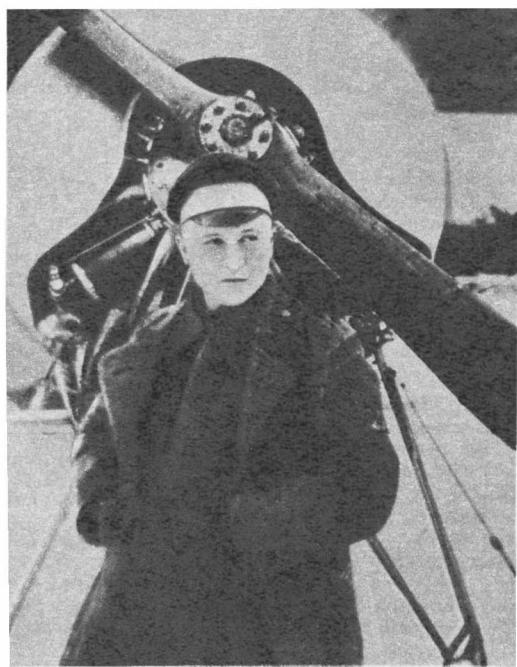
— После войны тяжело было с продуктами, выдавали их по карточкам... Демихов работал тогда в Институте имени Вишневского, кормил собак на свою скромную зарплату младшего научного сотрудника. Да, он человек большой души. — В голосе ее была тяжесть, с какой ученики говорят о любимом учителе. — Скоро я вернулась на Кубу, там, в Гаване, я обязательно создам лабораторию трансплантации органов и назову ее именем Демихова...

В один из дней я приехала в Институт имени Склифосовского, чтобы присутствовать при операциях Демихова. Владимир Петрович был задумчив и рассеян, а когда сел за стол и поднял глаза, я увидела, как они потемнели и устали. Сотрудники почему-то разговаривали тихо, в другой комнате старший научный сотрудник Владимир Горяйнов, участник почти всех демиховских экспериментов, объяснил причину необычайной тишины в лаборатории: у Демихова умер брат, известный военачальник, у него была злокачественная опухоль.

Мысль о том, что он бессилен помочь брату, не давала покоя Владимиру Петровичу, а старший брат перед самой смертью все подшучивал: «Что же ты, знаменитый экспериментатор, не можешь заменить больной желудок на здоровый? Разве не научился на собаках?» Демихов опускал глаза и молчал. «Не сердись, не сердись, — продолжал больной,

КОНКУРС
● ЧИТАТЕЛЕЙ
60
СТРОКА
В БИОГРАФИЮ
СТРАНЫ

ШТУРМАН
ЗОЛОТОГО
РЕЙСА

Летчик-истребитель Б. Н. Кудрин. 1921 год.

Мне часто приходится видеться с этим человеком, плотным, среднего роста, быстрым в походке.

Он приходит в Центральный Дом авиации и космонавтики словно на встречу со своей юностью. Здесь на одном из стендов значится: «Красный военлет Борис Николаевич Кудрин — один из старейших летчиков-истребителей, герой гражданской войны».

Вот о нем-то я и хочу рассказать.

...Шла первая мировая война. Семнадцатилетний паренек из Тамбова гимназист Борис Кудрин поступает на курсы теоретической авиации, которыми руководил профессор Н. Е. Жуковский. Затем его командируют в Гатчинскую школу военных летчиков. Получив аттестат с отличием, Борис продолжает обучение в школе высшего пилотажа и становится инструктором-пилотом. С тех пор с авиацией связана вся его жизнь.

...Гражданская война. Ярославская губерния охвачена контрреволюционным мятежом.

Красвоенлет Кудрин вел разведку, сбрасывал листовки в расположение восставших, обстреливал мятежников из пулеметов и бомбил фугасно-осколочными бомбами.

Принимал активное участие Кудрин и в ликвидации Мамонтовской конницы, несколько раз побывал в тылу врага. Однажды группа летчиков и механиков авиационного дивизиона Красной Армии, находясь в деревне Курниловка, подверглась нападению вооруженной кулакской банды. Разъяренные бандиты изрубили шашками нескольких красвоенлетов и авиатехников. Бориса Кудрина избили до потери сознания. Наступление Красной Армии спасло его от смерти...

Гражданская война продолжала бушевать.

НОВЕНИЕ К ТАЙНЕ

видно, это такая зараза, что весь мир не может с ней справиться. И сколько людей помирает, как на войне...»

Операционная расположена недалеко от лаборатории, туда мы пошли через старый парк. Доктор медицинских наук Леван Лукич Гугушвили вместе с тетей Катей и Владимиром Михайловичем Горяновым все уже приготовили к операции. Л. Л. Гугушвили и Демихов в годы Великой Отечественной войны были на фронте, они видели много смертей, по несколько суток не спали, держались у операционного стола только на кофеине. Еще нелепее в мирное время видеть смерть друзей, встречаясь с их глазами, читая невысказанный укор: «Эх, ты, хирург, ничем не можешь помочь!»

Перед тем как пройти в операционную, мы заглянули в виварий, и Владимир Петрович показал двух собачек, Белку и Полкану: первой полгода назад пересадили шейную часть пищевода от другой собаки, а Полкану — два месяца назад. Чувствовали они себя не плохо.

— Значит, с сердца перешли на пищевод? — спросила я.

— Почти так, — согласился Демихов и пояснил: — Сюда, в Институт скорой помощи, доставляют больных иногда в таком состоянии, что лучше им делать полную замену «блока», чем одного органа. Но, чтобы приступить к такой операции на человеке, мы должны, и не только в нашей лаборатории, провести сотни экспериментов на животных.

Но где взять здоровые органы для пересадки? — продолжал Демихов. — Вот проблема! Тут-то и встает вопрос: как сохранить для пересадки органы, взятые у донора? Проблему эту решают во всех странах. Наша лаборатория, например, разработала физиологические методы консервации донорских органов. Эксперимен-

ты показали, что они сохраняются в функциональном состоянии много часов. Метод этот начали применять в клинике...

В нашей стране работают центры по пересадке почек. В некоторых странах, в том числе в США, Канаде, Австралии и Франции, существуют специальные банки, которые обеспечивают органами клиники, занимающиеся трансплантацией.

Изучая различные методы консервации, сотрудники лаборатории предложили свой метод, который помогает определить жизнеспособность органов накануне их пересадки. Эксперименты, проведенные здесь, показали, что органы некоторых животных, например, обезьян и собак, могут функционировать на человеческой крови.

— Следовательно, использование органов этих животных хотя бы для временного подключения человеку становится реальностью, — говорил Демихов. Из присущей ему скромности он умолкал о том, что пересадку печени в нашей стране осуществил именно он: сначала собака с чужой печенью прожила несколько суток, а потом около месяца...

Трансплантация как новый метод лечения больных, которым уже не помогает ни одно лекарство, заставила Демихова задуматься над фаустовской проблемой вечной молодости. Несколько опытов провел Владимир Петрович по пересадке надпочечников и добился хороших результатов.

— Это очень интересно, — сказал Демихов, — но сегодня это не главное.

Естественно, я спросила его, чем объяснить переход Барнара на подсадку сердца вместо полной замены, как он делал это прежде.

— Вообще на Западе устроили «суд» над Барнардом, суд нравственный, хотя все отдали должное его хирургическому мастерству и безумной смелости, — рассказывал Владимир Петрович. — Риск, конечно, огромный, и Барнард, как человек, как врач в конце концов, понимал это и перешел на подсадку, что менее опасно и более надежно. Подсадка даст возможность больному сердцу отдохнуть. Барнард проводит эти эксперименты на обезьянах...

...Лейпцигский университет имени К. Маркса избрал Владимира Петровича Демихова почетным доктором медицины; он является почетным доктором Шведского королевского научного общества, почетным доктором крупнейшей в мире клиники имени братьев Майо в США; у него стажировались хирурги из США, Кубы, Китая, ГДР, Франции — это ли не свидетельство славы советского ученого-экспериментатора, а вместе с тем и славы советской науки?

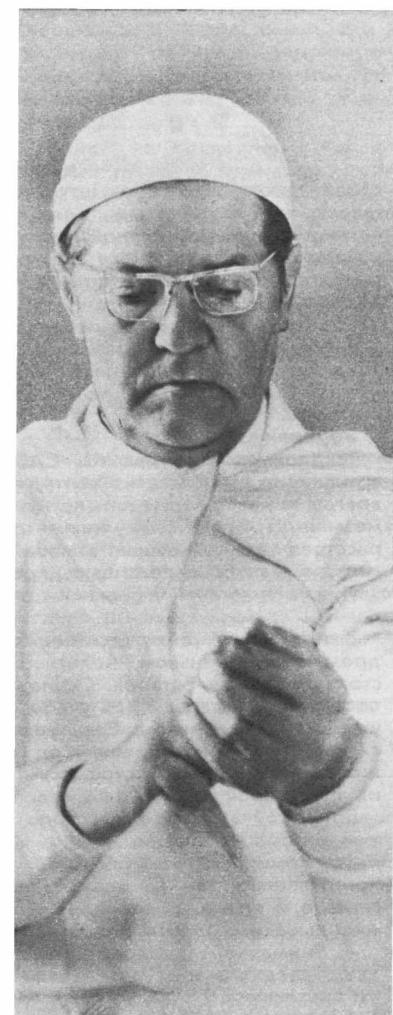
Два раза в неделю Демихов направляется через старый парк в операционную, где проводит на животных эксперименты по замене пищевода, печени и поджелудочной железы. Движения сильных его рук виртуозны и молниеносны. Знаменитые демиховские руки, глядя на которые врачи в Мюнхене задавали вопрос:

— Вы музыкант?

— Нет, — улыбнулся Владимир Петрович, только что закончивший операцию по пересадке сердца у собаки.

— Но руки!.. У вас руки музыкант?! — недоумевали те. — Из какой вы семьи? Кто ваши родители?

— Из крестьянской, — с достоинством ответил Владимир Петрович. — Дед мой был искусственным сапожником, к нему приезжали из губернского центра — Воронежа. Наверное, свое искусство он и мне передал...

В. П. Демихов.

Интересен эпизод, произошедший с Кудриным уже на Кавказском фронте, куда он был переброшен в составе 1-го авиадивизиона. В это время в Советской Армении, где уже три месяца азел флаг свободы, произошло восстание. Белогвардейские офицеры и контрреволюционные банды заняли Эривань. Создалось крайне тяжелое положение. Требовались оружие, боеприпасы, продовольствие, но их не было. Начался голод.

Встал вопрос: где взять продовольствие? Только у иранских купцов, но они требовали за хлеб золото. А весь валютный запас молодой республики был разграблен дашнаками.

Председатель Кавказского Бюро ЦК РКП(б) Серго Орджоникидзе срочно связался с Москвой. Владимир Ильич Ленин ответил:

«Получил Вашу шифровку об отчаянном продовольственном положении Закавказья. Мы приняли ряд мер, дали немного золота Армении...»

Серго Орджоникидзе отоспал в Нахичевань, где находился Ревком Армении, радиограмму о том, что идет помощь и высыпается аэроплан с золотом.

Тем временем на аэродроме в Тифлисе шла интенсивная подготовка к полету. Командир 1-го авиадивизиона И. К. Спаратарль поручил выполнить этот полет красвоенлетам В. Л. Мельникову и Б. Н. Кудрину. Мельников был назначен командиром самолета, а Кудрин — штурманом-пилотом.

— Мы знали, что задание это очень почетное: мы выполняли поручение Владимира Ильича Ленина, — вспоминает Б. Н. Кудрин. — Одновременно мы знали, что маршрут длинный, местность пересеченная, гористая, кишащая бандитскими шайками. Но самое главное, что лететь было не на чем. На истребителях не доберешься, мало

горючки, а самолетов, имеющих большой запас горючего и грузоподъемности, не было. К счастью, на нашем аэродроме белогвардейцы оставили два самолета «Де Хевиленд-9». Правда, оба они были крепко постраданы, к полетам непригодны. Выручили нас сообразительность и золотые руки авиатехников. В течение двух суток, без сна и отдыха, они собирали из двух трофейных английских машин одну. Мы ее испытали в воздухе, еще немного отрегулировали, подготовились к выполнению задания. Золото, упакованное в мешки, погрузили в фюзеляж. Нам предстояло преодолеть Каракисский перевал и пролететь свыше 800 километров без пополнения горючим. Большая часть маршрута лежала над территорией, занятой врагом. На рассвете двадцать девятого марта мой командир Всеволод Лукианович Мельников с трудом оторвал перегруженный самолет от грунтовой полосы, и мы взяли курс на Нахичевань.

Самолет медленно набирал высоту, идя навстречу поднимающемуся солнцу. Небо было ясным, безоблачным, только с юга приближалась угрожающая белая пелена. Я сидел во второй кабине, сверяясь по карте точность пролета контрольных пунктов. Слепило глаза. Самолет летел вдоль железной дороги по долине реки Борчала, постепенно суживающейся и переходящей в ущелье. Мы нырнули под облака. Облачность стала сплошной — ни солнца, ни неба.

Мельников, повернувшись ко мне, взмахнул рукой, показывая в сторону Каракисского перевала, крикнул:

— Что будем делать?.. Возвращаться?

— Пойдем вдоль Зелинсанского ущелья, — ответил я и показал влево. «Де Хевиленд-9» медленно лег в левый разворот. Стало не-

много светлее, блеснули золотые мечи солнца. Набирая высоту, мы приблизились к Диликану и к озеру Гокча (Севан). На высоте 4000 метров прошли Диликан и Семеновский перевал. Далеко впереди показалась снежная шапка Араката. Наше настроение улучшилось, появился замечательный ориентир, по которому следовало выйти в долину Аракса, а потом уцепиться за струну железной дороги Эривань — Нахичевань, и перелет закончен! Мы начали снижаться. Эривань пролетели на высоте 1200 метров, вышли в долину Аракса, вскоре показалась Нахичевань.

— Садись! Наш аэродром! — крикнул я Мельникову и показал на небольшую площадку, отмеченную с четырех сторон белыми квадратами, между которыми четко выделялась белая стрела. Мы приземлились. Навстречу самолету, на борту которого находилось пять пудов золота в десятирублевых монетах, бежали красноармейцы, размахивая фуражками.

Золотой рейс был закончен.. Золото, привезенное нами, привезли члены Ревкома Армении и тотчас отправили в Иран для обмена на баранину, рис, сахар...

Красноармейцы В. Л. Мельников и Б. Н. Кудрин были награждены орденом Красного Знамени.

После гражданской войны Б. Н. Кудрин много преподавал в учебных заведениях BBC, занимался испытанием самолетов.

Сейчас Борис Николаевич на пенсии. Он ведет большую военно-патриотическую пропаганду, воспитывает молодежь на славных подвигах их отцов и старших братьев.

А. ЖУРАВЛЕВ,
майор в отставке

Михаил ОДИНЦОВ,
дважды Герой Советского Союза,
генерал-полковник авиации

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

П

рибытие на фронт сразу нескольких полков штурмовиков не осталось не замеченным для гитлеровского командования. При летной погоде воздушные разведчики «Люфтваффе» стали усиленно бороздить небо. За ними появились и бомбардировщики. Полку Митрохина не суждено было спрятаться в пестроте перелесков и полян. Три полка самолетов и три их батальона обеспечения, штабы, лазареты и столовые невозможно было скрыть от врага. Их надо было охранять.

Бомбили чаще ночью.

Как только сбрасывались САБы¹, зенитная артиллерия старалась их сбить, чтобы лишить врагов возможности вести прицельное бомбометание. Тридцатисемимиллиметровые пушки расстреливали висевшие в небе «фонари», а средний калибр с помощью прожекторов и звукоулавливателей начинал охоту за «юнкерсами».

В полукилометре от деревни, ближе к аэродрому, на маленьком болотистом островке, стояла зенитная батарея. Осипов использовал соседство с батареей для учебы и был на ней уже своим человеком. Если удавалось, то по сигналу воздушной тревоги он бежал не в shelter, а к зенитчикам, стремясь в бою постичь их премудрости и законы ведения огня.

Вот и сейчас, пробежав около семисот метров, он был на батарее.

Все номера уже заняли свои места, батарея приготовилась, но самолетов еще не было слышно и видно. Наконец дежурный телефонист высоким голосом прокричал:

— Внимание! Квадрат четыреста тридцать два... двадцать три, курс девяносто, самолеты противника.

Широкие раструбы звукоулавливателей нашли группу, и действия расчетов, движение артиллерийских стволов приобрели осмысленность.

Ухо уловило угрозу, идущую сверху, густой басовитый звук нарастал. Показались две группы «юнкерсов» — вражеская атака надвигалась. Но Осипова интересовали не «юнкерсы». Он смотрел за действиями расчетов и их командиров. Смотрел и слушал. Он хотел найти в работе батареи секунды, которые позволят ему там, наверху, использовать их с выгодой для себя, позволят сделать вражеский огонь неопасным.

Девятый номер доложил:

— Цель поймана!

Восьмой и седьмой прокричали:

— Совмещение есть!

Слышится голос второго:

— Совмещение есть!

— Огоны!

Голос комбата прозвучал резко, резанул воздух опущенный флагок. Бой начался. Батарея зло рявкнула железными глотками, земля под ней прогнулась, с лязгом открылись замки и выбросили со звоном и дымом стреляные гильзы. Орудия мигом зарядили, и снова залп.

Дым и пыль, грохот выстрелов, звон выпадающих из орудий стреляных гильз, низкий, прерывистый гул работы моторов вражеских самолетов — все это смешалось в зловещую

¹ САБ — светящаяся авиационная бомба, которая спускается на парашюте.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21, 22.

какофонию боя. Уже не слышно доклада номеров орудий, голоса командира батареи, а только виден взмах его флагка, после которого следует залп.

Матвей посмотрел вверх. Белые облачка разрывов окружали самолеты. Но вот «юнкеры» изменили курс и, наверное, скорость полета, и разрывы ушли от них влево и остались сзади. Затем разрывы опять догнали группу. И он увидел, как один самолет накренился и резко пошел вниз, оставляя за собой шлейф черного дыма.

В наступившей тишине неожиданно странно прозвучал голос:

— Цель исчезла.

Самолеты вошли в мертвую для батареи зону, и теперь орудия беспомощно описывали в небе круг, чтобы, может быть, потом еще сделать несколько залпов, уже вслед уходящему врагу.

И пока орудия молчали, Матвей услышал вверху короткие пулеметные очереди — это стрелки врага боролись за свою жизнь, пытаясь заставить замолчать обнаруженные ими батареи. Он осмотрелся — возле второго орудия три красноармейца лежали на земле. Правда, было еще непонятно, что с ними произошло, ранены, убиты или, испугавшись, залегли.

К залпам батареи, пулеметным очередям с неба прибавился глухой затяжной гром разрывов бомб, и «юнкеры» начали разворот домой. Из строя вывалился еще один самолет и стал отставать. Зенитный огонь прекратился: к врагу приближались четыре маленькие точки — истребители.

Здесь, на батарее, бой уже кончился. И хотя Матвей только наблюдал, у него вместе с беспокойством за судьбу тех, на кого были сброшены бомбы, появилось чувство удовлетворения и солдатской радости: мы тоже не лыком шиты, даром этот налет врагу не прошел!

весь этот снег превратится в воду, откроются речушки и болота, пропадут все зимники², тут вообще нельзя будет воевать по-серезному. Какой же можно сделать вывод? Командование готовит важную операцию зимой. Так что пока затишье — готовьтесь, учитесь и набирайтесь опыта. А потом будет поздно.

...Погода не баловала летников. Низкая облачность прижимала самолеты к земле, мешала выполнению боевых задач. Наступившие холода, частые снегопады изменили землю. Осталось два цвета: зеленый — лес, белый — все остальное. Где поле, болото или озеро, можно было понять только с помощью карты. Маленькие деревеньки и проселочные дороги скрылись под белым саваном. Казалось, что земля и все живое на ней спят крепким зимним сном. Враг жался к населенным пунктам, городкам. И там, где была жизнь, белое покрывало, окутавшее землю, становилось грязным. Темные пятна мазута и сажи сразу давали немцев воздушной разведке. Нельзя было сказать точно, какие потери нес потом враг от налетов штурмовиков, но полк Митрохина незаметно таял.

Осипов много раз летал на разведку и всегда с бомбами, чтобы не только увидеть. Увидеть для него было мало.

Вот и теперь он был ведомым у капитана Русанова, который шел четверкой Илов на «свободную охоту»³ в район юго-западнее Ржева. Вторую пару возглавлял Пошиванов. Степан специально попросился в полет с Афанасием Михайловичем, чтобы поучиться у него этому сложному способу ведения боя. «Охота не была предусмотрена боевым уставом, а появилась стихийно, под давлением обстоятельств: плохой погоды, отсутствия точных данных о противнике и больших пространств, на которых были разбросаны войска.

Породили «свободную охоту» воздушные разведчики. Полет на малой высоте создавал

ИСПЫТА

Матвей попрощался и пошел в эскадрилью. Надо было подвести итог тому, что он увидел и услышал. Ему стало еще более понятно, как на батарее готовится огонь, вводятся поправки в прицельные данные. Он уже видел большие возможности в преодолении этого огня с помощью маневра, разных тактических приемов выхода на цель. Сейчас было совершенно ясно, что самый опасный — первый залп. Надо научиться думать в воздухе и запомнить одно правило: если не стреляют, значит, прицеливаются, поэтому над врагом без маневраходить нельзя.

Опоздали штурмовики. Их прилет на фронт совпал с относительным затишьем. Как принято было говорить, «шли бои местного значения». Стороны улучшали свои позиции, «зализывали» раны, получая пополнение, вели разведку, накапливали запасы.

Летчики и техники понимали, что без «боев местного значения» войны не бывает. И, разбирая по вечерам бои под Сталинградом, сожалели, что не довелось принять в них участия. Иногда спорщики обращались к Русанову, который спокойно оставлял горячие головы одним и тем же доводом:

— Ну что вы шумите? Подумайте: зачем было сюда, в «мешок», сажать целый корпус штурмовиков, если здесь не предвидится активных боев? Что он, был бы лишним под Сталинградом? Поймите вы, что весной, когда

условия для непосредственного столкновения с врагом. Летчик видел не только автомобили, танки, пушки и повозки, но даже мог отличить солдата от офицера. По разведчику стреляли, и ему нужно было постоять за себя. Самооборона быстро переросла в совершенно новый принцип разведки: увидел — уничтожаю. Теперь действия летчика чем-то отдаленно напоминали приемы охотника при выслеживании дичи. Для успеха полета нужны были хитрость, разумная смелость, высокая выучка, знание местности и повадок зверя — врага. У летчика главным союзником победы была внезапность. Зелено-белый ИЛ-2 неожиданно вырывался из белой зимней мглы неба, сеял у врага страх и смерть и сразу пропадал.

К Русанову, который непосредственно организовывал боевое дежурство, устанавливал очередность вылетов, делал разбор полетов и обучал летчиков этому новому виду войны, шли со своими сомнениями и за советом лейтенанты и сержанты, воевавшие и новенькие. Всякая удача коллективно обсуждалась, тем более возможные причины невозвращения.

...Степан выпросил этот полет у Митрохина

² Зимник — зимняя дорога, чаще через болота и по замерзшим речкам.

³ «Свободная охота» — способ боевых действий, при котором экипаж или группа получали только район боевых действий, где сами искали себе цель и определяли, когда и что уничтожать.

с большим трудом. Командир полка не хотел в один вылет отпускать сразу и своего заместителя и командира эскадрильи, но вынужден был уступить настойчивости молодого командира, когда тот заявил:

— «Охота» предполагает свободу действий и широкую инициативу. Этим надо уметь пользоваться. Своими же действиями я не довolen. А мне ведь людей в бой водить. Отвечать за их жизнь.

Только после этого Митрохин сдался...

Самолеты шли низко. Пространство между лохматыми космами облаков и землей было заполнено голубоватой дымкой, которая скрашала обзор и размывала горизонт. Над белым снеговым полем терялось ощущение реальной высоты полета. Русанов смотрел на приборы в кабине, а потом снова на землю. Но не в даль, а поближе. Тогда взгляд выхватывал из белой безмерности темные пятна лесков, деревьев, домов, и ощущение, что тебя закрыли в белый шар, пропадало.

Линия фронта осталась далеко позади охотников. Русанов вывел штурмовиков почти к самому Смоленску, от которого на северо-запад, в район Ржева, тянулись две рокады⁴. Дороги были накатаны, но пустынны, а отдельные автомашины и повозки его не интересовали. Командир сосредоточенно, то слева направо, то справа налево, наискось перерезал коричневые дорожные ленты, и ему казалось, что снежный накат имеет ребристую поверхность. Снижался как можно ниже на пустынных местах, чтобы лучше проверить свое предположение, но уверенности не было. Мысленно сожалел, что нет солнышка, которое бы сразу разрешило его сомнения.

Пошиванов шел своей парой в колонне, и Русанов видел его только при смене стороны разворота.

— Степан! Ты не заметил на дорогах гусеничные следы? Кажись, танки шли?

Работа танковых и автомобильных моторов заглушила гул самолетов, пока Илы выходили на дальность открытия огня, а наблюдатели за воздухом, если они были, просмотрели выскочивших из-за бурного перелеска штурмовиков. Колонна продолжала свое размеренное движение.

Русанов оглянулся. Пошиванов шел сзади и справа на расстоянии около километра. Все правильно. Можно было заняться врагом. Длинная очередь из пушек, потом две бомбы, и снова под облака. Разворот. Опять вниз: огонь, бомбы...

Новый разворот и новая атака.

Немцы всполошились. И те, кто не обезумел от страха, открыли огонь. Врагу с дороги деть некуда, кругом глубокие сугробы.

Самолетная змейка рассекала колонну на части, и места раздела обозначились кострами горящих машин, дымом бомбовых разрывов.

Русанов добрался до головы колонны и залпом из четырех РСов⁵ поджег головной танк. Теперь колонна была остановлена: хвост, голова и середина горели.

— Пошли на другую дорогу. Посмотрим.

И вторая рокада в этом месте тоже была занята. Но боеприпасы уже кончились, надо уходить.

— Атакуем пушками по голове — и домой.

Дорога ощетинилась оружием и трассами копьями. Тут уже внезапности не было. А задний ход включить невозможно. Скрестив огненные шпаги с врагом, Илы «пробрили» над передними танками и, прижавшись к земле, исчезли в сизом морозном воздухе.

Русанов осмотрелся: идущие с ним цели. На хвосте истребителей не видно.

Облегченно вздохнул, уверовав, что все обошлось.

Вел группу домой и думал, что сегодня на эти колонны многих пошлют. Враг теперь на-

к нему. Пошиванов решил взять его к себе ведомым, чтобы передать свой опыт, а может быть, и помочь вырасти в командира.

Чернов был возбужден. Ему еще не приходилось видеть сразу так близко столько вражеской техники, стрелять в упор и быть уверенными, что сброшенные им с высоты десяти — пятнадцати метров бомбы, как и бомбы командира, не упали на пустое место. Он сегодня по-настоящему открыл свой боевой счет. К радости удачи, правда, примешивалось и неудовлетворение собой, потому что в период поиска врага, при этом бесконечном петлянии по дорогам, он окончательно заблудился и совершенно не представлял, где и сколько они ходили по чужой территории. Услышав команду «домой», он с ужасом понял себя на мысли, что ему одному домой сейчас не прийти.

«Домой»... Выйдя из последней атаки, он вновь перезарядил пушки и пулеметы, чтобы быть готовым к воздушному бою. «Домой» — это еще не дом. Линия фронта где-то впереди, а через нее могут и не пропустить. Может быть, еще придется прорваться через истребителей и огонь.

Радость победы не могли омрачить две проблемы на крыле. Самолет его слушался.

В наушниках, как музыка, прозвучал голос Русанова:

— Линия фронта. Через две минуты железная дорога.

Теперь для Чернова вылет уже почти закончился, но еще было время для учебы.

— Командир, можно поманеврировать?

— Можно, только внимательно. Земля близко, и видно плохо. Не потеряйтесь.

— Чернов, давай сделаем две-три змейки.

Пошиванов, посмотрев, что ведомый идет справа, энергично положил машину на левое крыло и пошел под пару Русанова, предполагая,

НИЕ ОГНЕМ

— Похоже, командир.

В разговор вмешался и Осипов, который тоже об этом уже давно думал.

— Очень даже похоже. Надо идти на север, там все прояснится: или ушли, или идут. Позавчера этого здесь не было.

Еще промелькнули десять километров и две минуты полета. Внизу на снегу появились широкие грязные пятна, проталины от костров, обочины дороги были размочалены многими следами гусениц. Русанов окончательно убедился, что по дороге шли танки, а тут был привал. Враг делал остановку. И костры разжигать не побоялись, рассчитывали на защиту снегопадов, а также свою отдаленность от линии фронта.

Русанов повел машину вверх, чтобы узнать высоту облаков. Надо было определить, как бомбить и стрелять, если они сейчас найдут что-то. Самолет набрал сто метров и зацепился кабиной за облачную крышу.

«Немного. Для всех штурмовых премудростей всего семьдесят метров».

Настроение летчиков изменилось. Возникла напряженность ожидания встречи с врагом. И встречу не пришлось долго ждать. Вскоре впереди показалась колонна.

— Атакуем по хвосту с выходом влево.

⁴ Рокада — дорога, идущая вдоль линии фронта.

стороже, погода — самая дрянь: ни видимости, ни высоты. Померил несколько раз облачность, но выше двухсот метров нигде не поднялся. Значит, Илы будут ходить одни, без прикрытия, небольшими группами.

Немцы же, если смогут из-за погоды, «поворят» сейчас над колоннами истребителей.

День обещал сложиться нелегкий...

У сержанта Чернова, шедшего рядом с Пошивановым, сегодня был третий боевой вылет. Сержант нравился командиру эскадрильи своей стройностью, тонкой и строгой красотой лица, которое украшали высокий открытый лоб и чуть рыжеватые волнистые волосы. Когда Степан смотрел на этого летчика, ему всегда почему-то думалось, что лучше бы Чернову быть музыкантом-скрипачом. Железный ИЛ-2 и работа, которой они занимались на войне, никак не хотели в его голове соединяться в одно целое с личностью этого юноши. Но Чернов все делал хорошо. Хорошо летал, был улыбчив и добр к людям, любое дело у него спорилось. Веселый, но не балагур, смелый и вместе с тем не бесшабашный, активный на комсомольских собраниях и любых занятиях, умеющий расспросить, рассказать и спеть — он не любил одиночества, и люди, видимо, чувствуя это, тоже тянулись

к нему, что самолеты врага слева. Разворот унес его сразу в сторону, а ведущая пара рывком пошла вперед. Отбив атаку предполагаемого противника, Степан дал мотору почти полные обороты, положил машину в обратный разворот и удовлетворенно отметил, что Чернов во время перешел на другую сторону строя, освободив ему с правой стороны место для маневра и огня.

Головная пара, показывая в развороте свои спины, неслась ему навстречу почти в лоб, и как только ее самолеты скрылись у него под крылом, он опять сменил сторону разворота. Земля с правого борта перешла на левую сторону, а правое крыло, цепляя облака, уперлось в небо. Самолеты Русанова опять были обращены к нему спиной и выполняли правый разворот.

— Степан, хватит. Я тебя вижу.

— Понял, командир, закончил маневр, пристраиваюсь...

И снова Илы, построившись своим железным клином, понеслись над землей на север, к своему аэродрому. Азарт и волнения вылета углеглись. Чернов поставил пушки и пулеметы на предохранитель, пошел на посадку. Она сложна, но и привычна. Все идет своим чередом. Самолет сел, бежит по земле. Потом начинает разворачиваться вправо. Левый тормоз... Не слушается... Сейчас кончится укатанный снег. А потом? Потом может быть плохо. Выключил мотор. Тормоз... Нет... ИЛ начинает

⁵ РС — реактивный снаряд, калибр 82 или 132 мм. Их было на ИЛ-2 соответственно 8 или 4.

опускать нос. Ручка на себя до отказа... Все равно нос идет книзу. Быстро... Секунды... И Чернов понял, что колеса и хвост уже не на земле, а в воздухе. Самолет встал на нос. Секунда или две, которые он стоял на моторе, показались наблюдающим до бесконечности длинными, а Виктору — вечностью.

«Что дальше? Обратно на колеса или на спину?» Нет, глаза уже не видят снега. Значит, на спину... Удар и скрежет. Темнота, боль в щеке, и по ней что-то течет. Пожар будет? Или обойдется? Дыма пока нет. Чернов уловил запах бензина. Висел на привязных ремнях вниз головой и думал: расстегнуть их или не надо? Решил, что пока не надо. Дышать от паров бензина стало трудно. К жужжанию приборов прибавился стук и голоса.

— Чернов, живой?

— Живой.

— Сейчас откопаем. Не волнуйся, нигде пожара нет.

— Да я не волнуюсь. Только дышать нечем, бензина много...

Темнота начала сереть, потом с боков появился свет. Снег убрали, и в кабину пошел воздух.

Послыпался голос инженера полка:

— Ты где там?

— Пока на ремнях вишу. Не знаю, что лучше: отстегнуться или не надо?

— Не надо. Фонарь от удара с направляющими слетел. Сейчас мы его вытащим. А уж потом замок расстегнешь и выпадешь. Не побился там?

— Да вроде бы все цело.

Мерзлая земля не хотела сдаваться лопате, и подкоп шел не очень быстро. Наконец фонарь вытащили.

— Ну давай, с богом, эвакуируйся.

Виктор опустил руку, но до земли не дотянулся.

— Так всех пересудите. Будет не полк, а исправительная колония.

— Не вмешивайся, лейтенант... Русанов, идите на КП докладывать о вылете. Я тут без вас разберусь. А остальным за помощь спасибо. Разойтись и заниматься делом. Инженеру самолет осмотреть и доложить возможность ремонта...

Митрохин повернулся к Чернову.

— Товарищ майор. Тормоза отказали, может, пробито что.

— Я и без тебя вижу, что колесо разбито. Надо было шасси сразу убрать. И сам был бы цел и самолет тоже. Иди в лазарет, пусть щеку зашьют.

...Потепление принесло с собой обильные снегопады. Снег стал полным властелином дорог и аэродромов. Главным оружием сделались лопаты, волокушки и катки. Если и появлялись окна летной погоды, то выпустить самолет на боевое задание было все равно не просто. Чтобы взлететь, надо было вначале вытащить из снежного плена машину. Иногда это на первый взгляд простое и обычное дело приобретало характер целой операции.

Самолет Осипова был избавлен от такого перетаскивания со старта в капонир и обратно. С Илом Осипова решили проблему просто: его не убирали на стоянку, с площадки боевого дежурства. Техник самолета Петров, чтобы не бегать по километру за всякими ключами и чехлами, перенес незаметно все имущество и спрятал его в снежную нору, чтобы оно не мозолило глаза начальникам. Самолет с номером, который в народе называется «чертовой дюжиной», теперь был всегда готов к вылету, а техник и летчик находились в землянке для дежурных, у телефона...

Осипов летел один. Его самолет пробивался через снегопады на юг. Позади штурмовика

и останешься без бензина. А на самолюбии не улетишь. От многодневных полетов при стометровой облачности сейчас, когда облака позволили Матвею набирать триста и четыреста метров высоты, он чувствовал себя так, как будто бы под ним были не метры, а целые километры прозрачного воздуха. Ему казалось, что в кабине стало легче дышать, и он пил эту живительную влагу полной грудью. Матвей надеялся на свой опыт, на бело-зеленый камуфляж своего ИЛа, который растворялся в зимней пестроте очертания самолета, делая его почти невидимым, на внезапность своего появления в этом районе. Линия фронта осталась почти в ста километрах позади, и тут его никто не ждал. Здесь был уже настоящий тыл. У него созрело новое решение — пойти на большую железнодорожную станцию, которая питала немецкий фронт, а потом выйти на шоссе, идущее на Вязьму. Там можно было найти не две-три автомашины и десяток повозок...

...Самолет прижался к самой земле и, сливясь с ландшафтом, устремился дальше на юг. До станции осталось около двадцати километров — три с половиной минуты полета. Впереди железная дорога. Правый разворот. На Матвея стали надвигаться высокие холмы, ограждающие станцию с севера и юга, городок, поднимающийся амфитеатром вверх, и закопченное паровозными дымами, углем и мазутом скопище красных вагонов. Вверху, перед самолетом, хлопнуло несколько разрывов зенитных снарядов, и Матвей удовлетворенно хмыкнул. Угадал: пушки-то стояли на верху, стрелять сейчас по нему — значит стрелять по станции. Только надо суметь из этой долины выскочить, и чтобы не через батарею.

Матвей нажал на гашетки пушек, пулеметов, а потом послал два реактивных снаряда. Станция... Шесть нажатий на бомбовую кнопку

— Я же землю рукой не достаю! Если расстегну ремни, то сломаю себе шею.

— Тоже правильно. Давайте по одному человеку с боков лезьте под кабину и придержите летчика, когда он расстегнет ремни.

В кабине опять стало темно.

— Ну, мы готовы. Давай.

Щелкнул замок, и Виктор повалился спиной вниз. Теперь сверху посыпался невидимый обычно мусор.

— Ташите его оттуда за воротник, а то он с парашютом не повернется.

— Да я его тоже расстегнул, все лямки снял.

Кто-то ухватил его за ворот комбинезона и потащил из кабинки. Виктор несколько раз оттолкнулся ногами, помогая невидимому товарищу, а когда стало посвободнее, перевернулся на живот. Теперь можно было действовать самостоятельно... Вылез. Встал на ноги. Вдохнул полной грудью. Осмотрелся. Около самолета весь полк. Пошел к Митрохину.

— Товарищ командир! Сержант Чернов задание выполнил...

— Вижу, что выполнил. А самолет поломал. Судить за это надо.

Стоявшего рядом с Русановым Осипова как будто кто хлыстом стегнул по спине.

осталась железная дорога Ржев — Великие Луки, потом — редколесье покрытые болота. Фронт разделил леса и болота: холмы, возвышенности и перелески — у оккупантов, а снежная открытая низина с замерзшей под ней водой и трясиной принадлежала Красной Армии. Линия фронта была засыпана снегом, жизни и войны на ней Матвей не увидел. А когда проскочил в тыл к немцам, подумал: «Если наши до весны из этих болот не выберутся, то потонут в них. Надо сейчас идти вперед или перед весной уходить назад на целых двадцать — тридцать километров. Видать, при наступлении не хватило силенок сбить немца с этих лесистых высоток»...

Под левым крылом летела навстречу белой стрелой мертвая дорога. Целей для атаки Матвей не видел. Чем дальше самолет уходил на юг, тем лучше становилась погода. Это и радовало и настораживало охотника. Можно было не опасаться, что столкнешься с какой-нибудь горушкой или вышкой, лучше стало вести поиск врага. Однако росла и вероятность случайной встречи с немецким истребителем. Уходить в облака от него в такую погоду было нельзя. Низко. Из них потом выйти не просто. Бой же вести в глубоком тылу не хотелось. Свяжут воздушной каруселью —

ку — и на вагоны ушли стокилограммовые фугаски. Они разорвутся через семь секунд, когда здесь уже не будет Матвея. Теперь самое главное — уйти. Сначала еще ниже к вагонам, столбам, постройкам. Наверное, начали рваться бомбы? Сразу резкий боевой разворот — надо перескочить через седые от снега косогоры.

...Мотору полные обороты, форсаж⁶. Разворот... ИЛ взревел, задрал нос к облакам и лег круто на левое крыло...

Не стреляют?.. Огня не видно... Значит, ушел... Если истребители взлетели, то будут его искать на севере, а он теперь южнее. Как можно ниже. Надо потеряться в снежной пестроте.

...Еще разворот, и ИЛ лег курсом на восток. Через несколько километров ему надо будет вновь пересечь железную дорогу и шоссе.

Матвей сделал крутую змейку, чтобы посмотреть, нет ли за ним преследователей, и, убедившись, что за хвостом все спокойно, пошел вдоль шоссе. Горючего для «охоты» было еще километров на пятьдесят.

⁶ Форсаж — полная мощность мотора.

На бело-коричневом полотне шоссе показалась колонна машин. Еще не различая, что за автомобили, Матвей повел самолет вверх, чтобы обеспечить себе возможность прицеливания и стрельбы. Догнал маленькую колонну и обрадовался, как будто бы встретился с давно желанным и старательно высаживаемым зверем. На дороге шли две легковые машины, два автобуса, а сзади и впереди — по броневики.

«Так портняки и свинью тушенку не возят». Броневики Матвея не интересовали. Вот она, долгожданная атака. ИЛ опустил острый железный нос к земле и устремился на головной легковой автомобиль. Огоны!.. Длинная пушечно-пулеметная очередь... Автомобиль споткнулся, его занесло в кювет и опрокинуло вверх колесами.

Арканская петля правого боевого разворота на 270° — и штурмовик опять понесся в смертельной для врага атаке к земле: грохотали пушки, рычали с каким-то завыванием пулеметы, огненными тире ушли шесть реактивных снарядов... Секунды атаки кончились, и самолет вышел из пикирования. Штабной колонны больше не было.

Теперь на север, домой. Только не просмотреть какого-нибудь блуждающего истребителя. Матвей с усмешкой вспомнил последнюю атаку и храбрость безумия какого-то немца, стоящего на дороге и стреляющего в него из пистолета. «Наверное, выскоцил из автобуса и дальше не знал, что делать. Упал бы в кювет, может, и жив остался». Потом выругал сам себя за эту сентиментальность: «Тоже мне... либерал нашелся. Если бы ты его не прикончил, может, он через час столько бы наших душ загубил!..»

Мысль часто возвращала Матвея к одной и той же проблеме. Видно, не зря он, человек, осужденный судом, не исключен из кандидатов в члены партии. Поэтому ему все время доверяют одиночные полеты в тыл врага. Но если он там погибнет, как же они будут докладывать о случившемся? Ведь гибель такого летчика надо обязательно подтвердить. В данном случае только гибель в бою реабилитировала его перед законом, а для этого нужны свидетели.

А если не подтвердить, то он «пропавший без вести». Пропавший? Значит, он не мертвый и не живой. Его можно считать изменником, перелетевшим к врагу дезертиром, а также погибшим из-за своей оплошности или от огня врага. Однако предположение в законе бесправно. Когда Матвей впервые додумался до этой истины, ему стало жутковато. Как же так? Во имя каких целей взвалена ему на плечи дополнительная тяжесть? Сознательно или по недомыслию тех, кто имел право распоряжаться его жизнью, частью полка, а может быть, и печальной старостью матери, породившей такого «кнепутевого» сына, который и умереть-то не смог, как хороший солдат, у товарищей на виду?

Ночью эта мысль часто не давала покоя. И только днем она переставала его тревожить: днем нужно было работать, нужно было воевать и обязательно выжить до снятия судимости. Лишь после этого смерть могла иметь на него такие же права, как и на любого летчика или моториста их полка. Тут уж могло быть и равенство: ведь на войне не все выживают, а гибнут не всегда самые слабые. Матвей хотелось поговорить с Мельником или Рusanовым, но он сдерживал себя, потому что можно было обидеть их этим разговором. Ему не верилось, что комиссар и его учитель, Афанасий Михайлович, не понимают происходящего. Понимают, но не вмешиваются. Значит, так надо. А может быть, пытаются и ничего не могут изменить в данный момент.

Сосредоточенную замкнутость Осипова давно видел Мельник и, приняв решение поговорить с ним, искал удобный случай для разговора, понимая, что официальным вызовом на беседу ничего не решить.

...Настала оттепель.

Никто не знал, когда кончится внеплановая весна, но воевать в такую погоду авиации было невозможно. Командование воспользовалось передышкой: Рusanов с группой летчи-

ков и техников уехал на завод за самолетным пополнением, а оставшиеся на аэродроме ремонтировали Илы, учились, чистились и по возможности отдыхали. Летной погоды не было, а дежурство эскадрильи на боевой вылет продолжалось.

Матвею надоело сидеть в прокуренной на сквозь землянке дежурных летчиков, и он перебрался к своему Илу. Петров был рад приходу командира. Быстро притащил ящик из-под стокилограммовой фугаски и сделал из него у колеса под крылом что-то напоминающее диван...

Подошел Мельник, улыбаясь, поздоровался за руку.

— Здравствуйте, экипаж. Ну, о чем говорим? Я с утра обхожу полковые владения, так что всех уже повидал, со всеми побеседовал. А вы получились как бы на десерт.

— О разном говорим, комиссар.

— Ну, если секрет, то не настаиваю.

— Секрета нет. Петров вот сетовал, что полк поредел, а линия фронта не изменилась. Он хоть и остается на земле, а душой все время рядом со мной воюет. Вы сами понимаете, нам с ним скрывать друг от друга нечего — в одном экипаже с сорокового года.

— Знаю и вижу. С тобой беда случилась — и у Петрова лицо осунулось. Так близко к сердцу чужое несчастье может принять только настоящий друг. Но жизнь идет, и жить надо. Буду настаивать, чтобы трибунал повторно рассмотрел твой вопрос с учетом уже про-деланной тобой боевой работы. Как думаешь? Не пора ли тебе немножко встяхнуться и в порядке шефской помощи позаниматься с новыми прибывшими летчиками и стрелками?

— Вы думаете, в моем положении это будет удобно?

— Удобно. Обиду демонстрировать не надо, а знания и опыт передай новым сержантам. Им и для войны и для жизни это пригодится. Народ молодой, горячий, поэтому будь готов ко всему. Может зайти разговор и о суде. Если случится, не стесняйся, расскажи, только не с геройством, а критически. Сплетен после такого разговора не будет, а авторитет может вырасти.

— А как Митрохин?

— С Митрохином я уже говорил. Он не возражает.

— Какие это стрелки прибыли?

— Их пять человек. Стрелки и стрелки-радисты с бомбардировочных самолетов. Наверное, это связано с обещанием Ильюшина дать нам двухместный самолет.

— Вот оно как... Хорошо бы самолет со стрелком получить.

— Как с предложением?

— На предложение, товарищ комиссар, согласен!

— Вот и хорошо... У тебя, Петров, какие трудности? Как настроение?

— Настроение сейчас улучшилось. Посветлило на душе. Трудностей не больше, чем у других. Самолет исправен.

— Ну, а все же? Если по-житейски?

— По-житейски? По-житейски есть одна думка.

— Давай ее для общего пользования.

— У многих глаза слезятся, и десны кровоточат. Эти американские тушеница, колбаса и галеты, наверное, не очень-то с витаминами.

— Ну и что? Думаешь, цинга?

— Не знаю. Для этого есть доктора, а у меня — предложение. Надо на болота сделать разведку. Может быть, клюкву или морошку удастся найти. Это же лучшее лекарство. Если получится, то выделить несколько человек, как наряд на кухню, и кормить всех этой ягодой. Должно помочь.

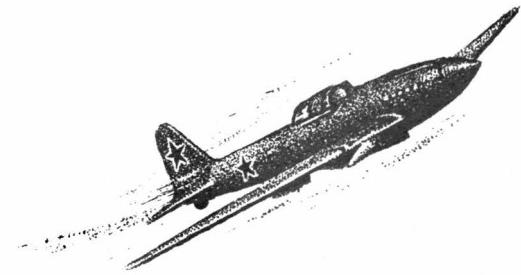
— Давай твою руку. Предложение принимаю... Нет больше вопросов?.. Ну, успехов экипажу... А ты, Осипов, садись за книжки и организуй школу. Летчиков сам вывозить на учебно-боевом самолете будешь...

...Оттепель кончалась. Во второй половине дня пошел густой снег. Вначале снежинки были большими и мохнатыми. Они не падали, а, перемешавшись с туманом, медленно оседали на землю. Когда снег оторвал туман от облаков и прибил его к земле, ртутный стол-

бик в термометре начал падать, а снежинки стали маленькими и жесткими. К вечеру снег прекратился. Облака поредели, в разрывах между ними заголубело небо. А нижний край их порозовел от заходящего солнца. Термометр уже показывал ниже двадцати.

Даже несиноптикам стало ясно — быть погоде.

Радовались вновь прибывшие летчики: наконец-то удастся полетать, потренироваться. Только не было восторга у старшего инжене-

ра полка. Кутков представлял, какая предстоит ночь. Ему и техникам спать не придется. Вывал к себе инженеров эскадрилий:

— Вот что, товарищи! Летный состав готовится на завтра летать. Какие будут полеты, я пока не знаю. Но нам с вами все равно: боевой вылет или учебный. Самолет должен быть исправным. Температура за ночь понизится до тридцати, поэтому смотреть в оба и сани не спать. Составить график дежурства. Моторы всю ночь подогревать, проверять и обогревать аккумуляторы. Мороз «выжмет» воду во всех воздушных баллонах и системах самолета, она там позамерзнет, а потом начнутся отказы в работе оборудования и вооружения. Все трижды проверить перед вылетами. Если вопросов нет, то давайте по эскадрильям и за работу...

Осипов спал тревожно. В морозном воздухе хорошо распространялся шум прогреваемых на аэродроме моторов. Звуки прибирались через окно, отчего синевшаяся война становилась более реальной. Матвей сейчас вновь видел то, что было когда-то с ним и с его товарищами. Днем он создавал эти картины боя на занятиях с молодыми слушателями. А теперь был и теория друг с другом тесно переплелись и походили на явь. Сон превратился в кинофильм, в котором перепутали части. Менялся звук от работающего мотора, и сновидение прерывалось, чтобы вновь вскоре начаться.

...Разбудили затемно. Побравшись, Матвей быстро оделся и вышел на улицу встречать рассвет. Рассматривая посветлевшее небо, он чувствовал, что раздражение от неудавшегося отдыха быстро проходит. Темнота еще не сдала свои позиции, но на востоке небо уже разгоралось жарким пламенем. Солнце выбросило из-за горизонта оранжево-голубой веер. Лучи, как живые, шевелились и постоянно меняли свои цвета, все больше и больше накаляясь у основания. Потом горизонт вспыхнул красным огнем — показался солнечный горб.

«Здравствуй, солнце! Здравствуй, день! Каждый-то ты сегодня будешь? Кто после тебя встретит день следующий?..»

Ждать вылета не пришлось. У столовой Осипова встретил посыльный.

— Товарищ лейтенант! Вам срочно на КП надо.

— Что, и чаю нельзя попить?!

— Велели срочно и чтоб не задерживались.

— Ну раз так, то я пошел. А ты заскочи в столовую и возьми там что-нибудь пожевать.

Окончание следует.

НОВОСТИ ТЫНДЫ

Из Благовещенска можно перелететь в столицу БАМа за час с небольшим. Глядишь в иллюминатор снижающегося Як-40, внизу сопки, увалы, прижимы, маленькие речушки, скованые льдом, редкие давние карьеры с выбранным грунтом. Но вот пошли деревянные домики, сначала старые, почерневшие за долгий свой век, потом светло-желтые, недавней постройки. Различаешь ниточку рельсов, рядом груда черных шпал, стоит путевкладчик, нагружается готовыми двадцатипятиметровыми звенями полотна... Привычный пейзаж таежного поселка. И вдруг на склоне одной из гор, словно поставленные чьей-то гигантской рукой для контраста с окружающим, — пять светлых девятиэтажных зданий современной конструкции. Рядом с ними огромными семафорами выстроились краны, сверху кажущиеся недвижимыми, — закладываются и монтируются новые большие дома. И слова «столица БАМа», начертанные на здании аэропорта, не воспринимаются уже как претензия, они наполняются конкретным смыслом.

Люди, бывавшие здесь всего год-два назад,

таться в одном слове выразить атмосферу сегодняшних трудовых будней города и стройки в целом, то самым точным окажется слово «темп». Каждый, кто попадает сюда, на центральный перекресток БАМа, мгновенно чувствует, что стройка века уже набрала заданную скорость.

СКОРОСТЬ ПЛЮС КАЧЕСТВО

«Скоро хорошо не бывает» — эту старую поговорку перечеркнули строители, работающие на отсыпке полотна методом бригадного подряда.

В ноябре прошлого года «Огонек» опубликовал репортаж — доклад одной из бамовских хозрасчетных бригад на заседании коллегии Министерства транспортного строительства. Бригадир Н. Синкевич говорил тогда о трудностях в освоении нового метода организации труда. Какие перемены произошли с тех пор, как решаются проблемы бригадного подряда на БАМе? Об этом шел наш разговор с управляющим трестом «БАМстроймеханизация» Героем Социалистического Труда Ф. В. Ходаков-

сотни километров от дома. В Окурдане, на свой участок, бригада уезжает на восемь дней, потом получает четырехдневный отпуск, часть которого водители используют для осмотра своей техники. Нашелся и способ объединить механизаторов и ремонтников — последние теперь включены в составы бригад. Каждая из них снабжена передвижной ремонтной летучкой. Определилось и оптимальное число людей в комплексных бригадах — от семидесяти до девяноста человек.

— А не отразились ли все эти новшества на качестве сдаваемых объектов?

Сиднев не сдержал улыбки, по всему видно было, что он ждал этого вопроса.

— Что касается качества, то оно даже повысилось. Сами судите: только в прошлом году, когда мы еще робко переходили на бригадный подряд, этим методом было выполнено работ на сумму в сотни тысяч рублей, а трудовые затраты значительно сокращены. Все объекты сданы с оценкой не ниже чем «хорошо». Сейчас, когда уже вся колонна перешла на бригадный подряд, мы стараемся внедрить метод пооперационного контроля качества вы-

«Огонек» на БАМе

**Ю. НОВИКОВ,
В. КУЗНЕЦОВ,
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
специальные корреспонденты
«Огонька»**

ЧЕТВЕРТАЯ ВЕСНА

не успевают схватывать перемены в облике Тынды, ставшей городом областного подчинения. Вот новое здание аэропорта, тоже из светло-желтого дерева, шоссе, гостиницы, которых раньше не было, уютное кафе «Лесная сказка», строится новая поликлиника, а вот, наносят, и центр — те самые девятиэтажные дома: по улице Красная Пресня спешат люди, торопятся на работу — женщины в модных замшевых туфликах, парни в синтетических куртках. Идут пешком или подходят к остановке автобуса — многие работают здесь же, в Тынде, где немало трестов, управлений и прочих строительных штабов. Она еще здорово ухабиста, эта новая улица, но сияющие отделкой дома, любовно возведенные бригадами москвичей из Главмосстроя, с хорошо спланированными квартирами со всеми удобствами сомнений не оставляют: будет Красная Пресня одной из лучших улиц города...

Неподалеку от Красной Пресни в новом большом доме — магазин «Книги». В субботний полдень, выйдя из Дома культуры «Юность», где в это время repetировала самодеятельная балетная труппа, мы увидели такую картину: у подъезда книжного магазина вереница детских колясок. А мамы в это время рылись в книжных развалинах, позабывши до этого, конечно, и о хлебе насущном, что продавался по соседству.

Но не только отличные молодежные оркестры и кружки в Доме культуры, хорошие магазины с большим выбором товаров и высотные дома — приметы сегодняшней Тынды. Это еще и временные неудобства: автоцистерны с питьевой водой, курсирующие по городу во всех направлениях, это и приземистые вагончики, где живет часть строителей, песчаные вихри на бесснежных промерзших улицах...

Однако все понимают, что трудности эти временные, преходящие. В недавнем прошлом захолустный поселок Тындинский с четырьмя тысячами жителей за три минувших года стал, подобно Комсомольску-на-Амуре 30-х годов или Братску 60-х, символом величия советского человека, трудом преобразующего землю, неласковую, неотзычивую на внимание к себе. Тында вышла из легенды, чтобы снова стать легендой, превратившись в центр стройки, город с прекрасным будущим. Если попы-

ским. Феликс Викентьевич, рассказав о том, как много изменилось на стройке за последнее время, как неузнаваемо выросли люди, раскрывающие свои творческие возможности, закончил беседу словами:

— Мы сейчас не только бригады, но и колонны пробуем перевести на подрядный метод. Вот пример: механизированная колонна сто шестнадцать полностью перешла на подряд, а начальник ее — тот даже внешне похорошел, настолько легче стало работать.

В тот же день мы побывали у начальника МК-116. Леонид Иннокентьевич Сиднев, спокойный, уравновешенный человек, обстоятельно рассказал:

— Я-то почанула осторожничал, потом увлекся, поверил. И вот уже пошел второй год с тех пор, как бригада Блоцкого, первой в нашей колонне, решила взять подряд. Речь шла о сооружении земляного полотна на шестикилометровом участке железнодорожной линии Бам — Тында — Беркакит. Первый шаг оказался удачным. Но это не значит, что все произошло по мановению волшебной палочки. Совсем не так! Чтобы перевести одну бригаду на хозяйствственный расчет, потребовался большой труд инженерно-технических работников и служащих. При заключении бригадного подряда мы должны были тщательнозвешивать возможности как бригады, так и тех организаций, от которых в прямом и переносном смысле зависят ее успех. Позже, используя опыт коллектива Блоцкого, мы перевели на подряд еще две бригады. По существу, теперь все основное производство механизированного перешло на прогрессивный метод.

Но поиски продолжались. Теперь уже чисто практического характера: как теснее связать механизаторов, занятых на основных работах, с ремонтными службами или как сократить до минимума междуусменные просторы бульдозеров, экскаваторов, автотранспорта. С переходом на подряд в колонне был введен скользящий график. Бригада того же Блоцкого живет в Тынде, а работает в Окурдане, за полторы

полнемых работ, чтобы встречаться с инспектором группы заказчика только при сдаче объекта, а работы предъявлять на оценку «отлично». В общем, боремся за государственный Знак качества на строительстве БАМа. Теперь есть для этого реальные возможности...

ПО ДОРОГЕ НА СЕВЕР

Чтобы попасть в Окурдан, где отсыпала полотно знаменитая бригада А. Блоцкого, предстоило проехать на машине от Тынды к северу, по Амуро-Якутской шоссейно-грунтовой трассе (АЯМ), полтораста километров. Водитель сидневской «Волги» Виктор Приходько («Эх, жаль, что на персоналку поставили, на саносвале было интереснее») виртуозно вел машину со скоростью на отдельных участках до восьмидесяти километров в час, ловко сбрасывая газ и притормаживая в ухабистых местах в общем-то гладкого АЯМа да на речках, где зимник покрылся водой подчас на добрых полметра — некоторые мосты пришлось из-за ремонта обезжидать.

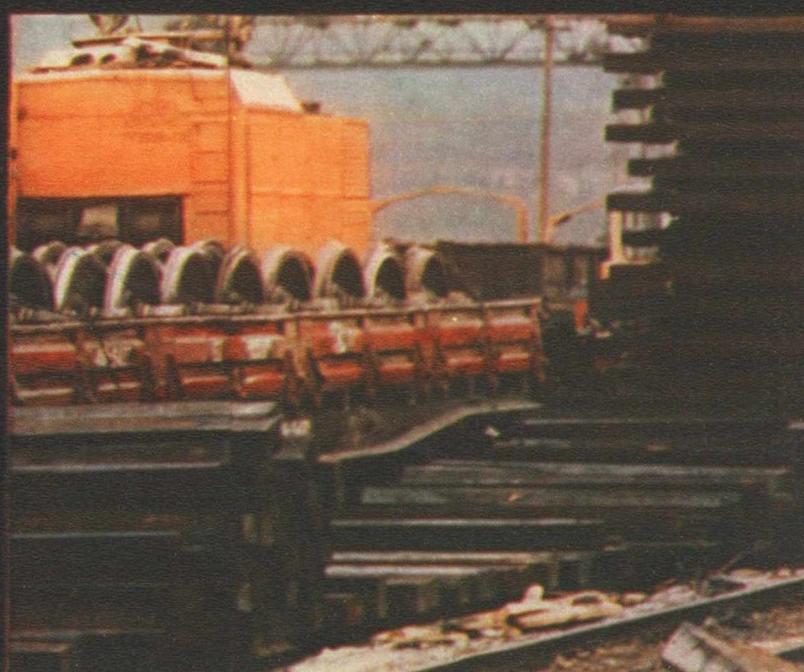
...Поселок Лапри возник как-то сразу слева от дороги. Здесь живут и работают мостостроители 47-го отряда, руководимого О. Гарсманвили. Ровный порядок однотажных домов на центральной, широкой, словно городской улице. Всюду чисто, аккуратно — сразу видно, по-хозяйски устроились жители поселка. И вдруг узнаем: скоро поселок исчезнет, он обречен на... переезд. Настроение слегка омрачено — такие внушительные общественные стро-

■
В этой дороге частица их труда. Братья Ковалевы — Александр, Владимир и Виталий — с женами и детьми на прогулке * Колонна самосвалов покидает готовый участок пути.

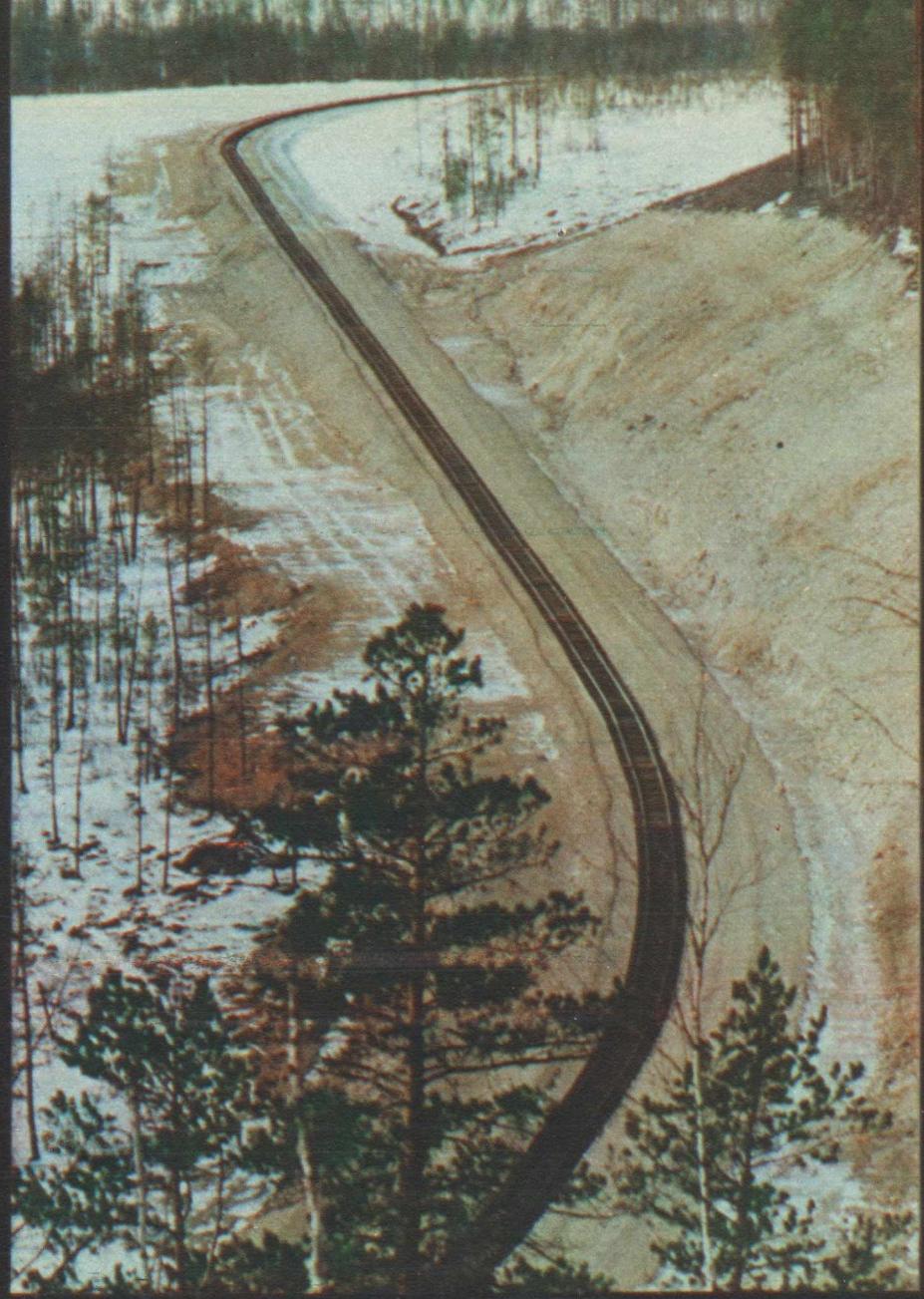
НА РАЗВОРОТЕ В КЛАДКИ:

Бригадир монтажников комсомольско-молодежной бригады Григорий Нетреба. Его бригада строит мост через реку Кованту. * По земле Якутии: монтеры пути из отряда «Якутский комсомолец» укладывают полотно в направлении Беркакита. * Тында. Здесь собираются звенья железнодорожного пути.

ния, школу, клуб, дома — и сносить. Разумеется, закон стройки «нынче здесь — завтра там» диктует неизбежную миграцию семей строителей и демонтаж зданий. И все же: будут ведь здесь жить когда-то путевые обходчики, ремонтники, рабочие, и не всех сразу удастся поселить в современные, со всеми удобствами жилища — так, может, уже сейчас целесообразно передать часть строений на баланс будущему более «долговременному» хозяину — тресту или подрядчику?.

Кафе-столовая «Лапри», сделанное, кстати, весьма капитально, привлекает самобытным внутренним интерьером — какое-то современное зодчество из дерева с аппликациями, тоже деревянными, с преобладанием желтых оттенков. Мы зашли сюда в полдень, в обеденный перерыв, когда оба зала, большой и малый, заполнились рабочими. И сразу пустовавшее до этого кафе заговорило сдержанными басовитыми голосами, звоном посуды, запахом свежим снегом и соляркой — стройка напомнила о себе.

Сфотографировав у солнечной стороны лапринской школы ребяташек на уроке физкультуры (занимались они под «охраной» своих неизменных четвероногих друзей — сибирских лаек), заходим в сопровождении пятиклассницы Мариной Исламовой, нашего добровольного гида, внутрь. Непривычная экономия внешней классности — вестибюль, коридоров — вот единственное, пожалуй, что напоминает о нестационарности здания. Тут уютно, чисто.

Стараясь излишне не шуметь, приоткрываем двери в один из классов. Ребята все встают, словно ждали нашего появления. Чтобы как-то склонить неловкость, поздоровавшись, спрашиваем: «Что изучаете?» «Английский», — ответили сразу трое.

Теперь уже в глаза бросились висящие в простенках между окнами таблицы произношения и правописания. Мы спохватываемся:

— Our best wishes to you from Ogonjok-Magazine. So long!*

Лица ребят расплываются в улыбках. Кто-то тихо взывает от избытка чувств. Довольна учительница — неожиданная реклама языка не помешает.

...Перед тем, как покинуть Лапри, наведываемся в местный универмаг — небольшой, но вместительный по ассортименту товаров. Все они — высшего качества, эти телевизоры, костюмы, обувь повседневная и праздничная и даже платья для невест.

В БРИГАДЕ БЛОЦКОГО

Еще в Тынде Сиднев предупредил нас:
— К Блоцкому можете ехать в любое время. Работа ведется и днем и ночью.

Слова эти не замедлили подтвердиться, едва мы появились на участке в Окурдане. Бригадир отдыхал после ночной смены. Через пару часов Анастас Викторович появился перед нами — свежий, подтянутый, готовый хоть сейчас снова сесть за руль самосвала.

...На месте работы бригады, где, выражаясь профессионально, производилась «вырезка» или «замена грунта на маревом участке», стояли грохот десятка работающих механизмов. Экскаватор размело насыпал отвоеванный грунт в кузова самосвалов «магирус-дойц». Ярко-оранжевые, они резво бегали от экскаватора к месту разгрузки.

По верху земляного холма, который должен превратиться в ровную, как стол, насыпь, ползают бульдозеры с огромными отвальными ножами. Разравнивая высываемый самосвалами грунт, они делают это, можно сказать, изящно и бережно — землица здесь дорого достается. Почему?

Блоцкий сразу не отвечает. Он молча ведет нас туда, где гремят в облаках пыли бурильные установки, взрывники готовят скважины в скальном грунте, скованном вечной мерзлотой. Оказывается, карьер расположен очень далеко отсюда, и строители решили использовать при отсыпке скальный грунт. А его иногда можно «расшевелить» только взрывами. Вечная мерзлота вносит существенные поправки в планы бригады.

Скоро конец смены, ждем возможности говорить со строителями. Насыпь все растет. Отсюда, снизу, кажется, что бульдозером, разгуливющим наверху, кто-то управляет по радио. Но вот огромная рычащая бледно-желтая машина, закончив работу, сползает к нам. Знакомимся с бульдозеристом — Володя Николаев, 23 года, посланец комсомола Башкирии, здесь, на БАМе, освоил профессию механизма-

*Наши лучшие пожелания вам от журнала «Огонек». Пока!

■
Монтажник Александр Соколенко. * Таежные повороты БАМа. * Сегодня — грузы для строителей. Завтра — уголь и руда стране. * Поселок Лапри. Столовая и школа.

тора и ныне, как и подошедший к нам высокий, плецистый Иван Шлейхерт, лучший бульдозерист в бригаде. В разговоре со строителями чувствуется, что им интересно работать, их захватила идея выполнять подряд от подряда как можно лучше, и оттого все здесь единомышленники, понимающие друг друга с полусловами, одна дружная семья. И вожак комсомольцев бригады водитель Борис Раповна, и сам Анастас Блоцкий, и звеньевые Николай Воропаев и Владимир Будный, и экскаваторщик Павел Искуль, три зимних месяца работавший без поломок, и ремонтники, и все другие члены бригады работают с полной отдачей сил, зная, какое значение имеет стройка для пятилетки, для экономического потенциала страны...

Кстати, с самим Блоцким поговорить было не всегда просто. В Тынде, в Доме культуры, удалось лишь узнать, что ему 33 года, он же матер, отец троих детей, двое из которых родились здесь, в Тынде. В этих краях он с 1967 года, после демобилизации сначала работал в «ЯМТрансе», водил тяжелые автоавтомобили от станции Большой Невер до Янукты. Но вот начали БАМ — и захотелось самому, своими руками строить стальную магистраль, устроившуюся туда, куда столько лет кряду возил грузы на всяких машинах. В 1975 году перешел в 116-ю межколонну водителем, а через три месяца стал бригадиром. Здесь же вступил в партию...

И вот сейчас мы ходим вдоль растущего земляного вала — теперь уже с ясными контурами железнодорожной насыпи. Бригадир не дает почти никаких указаний водителям машин и экскаваторщику, но от его взгляда ничего не ускользает, и он какими-то неуловимыми движениями рук включается в работу, «подсказывая», что и как лучше сделать...

— Анастас Викторович, как вы вообще пришли к мысли перейти на хорасчет в бригаде?

— Знаете, — он медлит немного, — все на практике познается. Когда в прошлом году решили рискнуть, перешли на подряд и первые шесть километров сдали, вот тогда и познали «кукса» этой новой формы труда. Но многое еще не умели, шли от старинки. Полотно, к примеру, ровняли лопатами — времени на это уходило уйма. Теперь другое дело, придумали приспособление. Вообще сейчас все от начала до конца делаем сами, а раньше сдавали без отделки и зависели от тех, кто откладывал.

— Интересно, волновались вы, сдавая первый подряд?

— Волновались все. И мы и те, кто принимал, — сомнений еще много было. Но бригада сразу смекнула: если Дирекция БАМа на приемку пригласила людей из других колонн — учите, мол, — значит, все в порядке. Пять тысяч премиальных заработаны нами на том подряде честно. Как и на других. Но не в этом главное. Снизилось количество ремонтов. Экономим горюче-смазочные материалы и запчасти. У ИТР больше времени остается для своей прямой работы, меньше отнимают внимание оргвопросы и т. п. Создали мы свою партгруппу в девять человек. Люди работают на совесть, но их и просить об этом не приходится...

— Анастас Викторович, до сих пор журнал писал о более скромных по мощности бригадах, работающих на подряде. Читателям интересно будет узнать, как оснащен ваш большой коллектив, если не секрет...

— Какой тут секрет! — пожимает плечами наш собеседник. — В бригаде восемьдесят шесть человек. Люди разных профессий — от бригадира до поварих. Сюда же входит вся группа ИТР, пять человек. Работаем в три смены. Имеем три экскаватора, пять бульдозеров, два грейдеров, пятнадцать самосвалов, два автобуса, водовозку, бензовоз и две ремонтные летучки. В бригаде двадцать девять вагончиков, здесь люди размещены неплохо, но... Честно признаться, с жильем в Тынде пока неважно, не хватает. Хотя понимаем, что мы не одни в тресте, трудности везде есть.

...Переночевав в теплом и удобном вагончике, позавтракав на котлопункте, наутро выходим на улицу. Словно облитые сахарной глазурью, блестят на солнце заснеженные купола сопок на горизонте, до которых, кажется, рукой подать.

Впереди нашей машины пробка из трех самосвалов — водители ждали, покуда три олены упряжки пересекут насыпь. Олени устали, им трудно — и без того в тайге слишком много свободных от снега мест. Молодые якуты — каюры — горячили животных сердитыми криками, но, глядя на строителей, на могучие самосвалы, юноши и девушки улыбались — они приехали, чтобы узнать, как идут дела, им явно нравится, что здесь побежит стальная дорога, конечно, с тоннелями в насыпи для прохода оленевых упряжен...

В ПОГОНЕ ЗА ТЕПЛОВОЗОМ

Мчимся по знакомому уже АЯМу. Скучноватый, безлюдный пейзаж — и вдруг впереди, на рельсах, видим сквозь лиственничное редколесье хвостовую теплушку, а за ней и весь состав, ведомый желто-синим тепловозом. Машинист словно ждал, что его увидят, прибавил скорость. Мы гонимся за поездом, снимая его на ходу.

Но вот и Нагорная, временный конечный пункт магистрали Тында — Беркакит. Решаем ехать дальше — искать путекладчик.

...На насыпи выстроились люди с поднятыми вверх руками, чтобы бережно принять и приводить до земли выдвинувшее оранжево-красной ажурной «рукой» путекладчика очередное звено. Мы подъехали как раз в тот момент, когда бригада СМП-577 начала центровать полотно нехитрым приспособлением, называемым с давних времен почему-то «дело-вальником». Один из нас сверху, с обрыва, гляделся в распоряжавшегося всем черноволосого паренька в зеленом ватнике и лисьей ушанке.

— Коля! Ягасфаров, ты? — разнеслось по тайге.

— Я! — откликнулся тотчас черноволосый и, посмотрев в нашу сторону, стал карабкаться сюда, к дороге.

Мы поздоровались.

Бригада из отряда «Якутский комсомолец», в которой трудились якуты, русские, белорусы, вела магистраль по территории ЯАССР, до того не знавшей железнодорожного сообщения. Сейчас им, занятым делом, не до высоких слов. То, что эти веселые, немного чумазые парни и девчата в пропахших креозотом спецовках совершают исторический акт — делают Якутию индустриальной, — они поймут позже.

ВЕСНА НА ВСЕХ НАПРАВЛЕНИЯХ

На следующий день мы поехали уже на западный участок. Здесь четвертая весна БАМа чувствовалась более ощутимо. Она наступала тут не спеша, но по- дальневосточному основательно, заявляя о себе солнечным светом, ласковым ветерком, веселым настроением людей.

— Этую весну мы ждали, к ней готовились, — говорил наш собеседник Станислав Николаевич Волковинский, управляющий трестом «Тындинатрансстрой». — В тресте шесть строительно-монтажных поездов. Четыре базируются в Тынде и два — на трассе, в поселках Хорогочи и Усть-Нюкже. Тындинские ведут коммунальное хозяйство города, строят хлебозавод, поликлинику, готовятся к сооружению мясомолочного комбината, других объектов. Строители, высланные «десантом», рубят просеку для подразделений треста «БАМстроймеханизация», сооружают водопропускные устройства на будущей трассе, строят поселки...

Мы рвались в Усть-Нюкжу, но, как выяснилось, опоздали на несколько дней. Весна закрыла зимник — единственную земную дорогу. Теперь связь с СМП-594 только вертолетом.

Подробности о зимнике мы узнали позже, познакомившись с тремя шоферами, замечательными парнями, братьями Александром, Владимиром и Виталием Ковалевыми, — они на БАМе уже третью весну.

Первыми на стройку века приехали Александр и Владимир, потом за братьями пришел и Виталий. Акклиматизировавшись, старшие перевезли в Тынду жен, Ларису и Лицию, и детей, Михаила и Леночку.

Мы ехали в кабине машины Александра. Подкупало умелое «вождение, уверенность действий, какая-то слитность машины и человека».

— Это, наверное, наследственное, — улыбаясь, говорит Саша. — Отец наш тридцать лет провел за баранкой. Водил ЗИСы по военным дорогам. Под Орлом тяжело был ранен...

Саша много рассказывал об отце, о войне. Ковалев — большой знаток военного дела и, по убеждению жены, рожден быть военным. Но в жизни выбрал самую мирную профессию — строителя. Он говорил о машине, на которой работает уже два года, о друзьях, но ни словечко не обмолвился о своих дорогах. Про декабрьскую ночь минувшего года мы узнали от братьев. В эту ночь Ковалев-старший, доставив по зимнику взрывчатку в поселок Хорогочи,шел в обратный рейс. Мороз в 61° остановил машину. Лопнули резиновые шланги, подающие топливо в двигатель. Устранив поломку, Александр отморозил руки. И когда работа была закончена, случилось непоправимое — стужа вывела из строя аккумуляторы. Саша уже не мог запустить двигатель. Как выжил Ковалев в ту ночь, известно только ему, но он об этом не рассказывает. К концу следующего дня на помощь пришел средний брат, Владимир. Отбуксировал автомобиль Александра на базу.

Пришло однажды ночевать на зимнике и младшему, Виталию. Машина его попутчика Анатолия Доды провалилась под лед. Виталий не бросил товарища, остался с ним. Шоферы трое суток боролись с морозом и рекой, спасая грузовик...

БАМ встречает четвертую весну, уже прочь обжав суровую дальневосточную землю.

Оперативная игра. Справа — старший посредник генерал-майор И. Г. Староверов.

УЧИСЬ УПРАВЛЯТЬ

Репортаж
из Академии
МВД СССР

Олег ШМЕЛЕВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

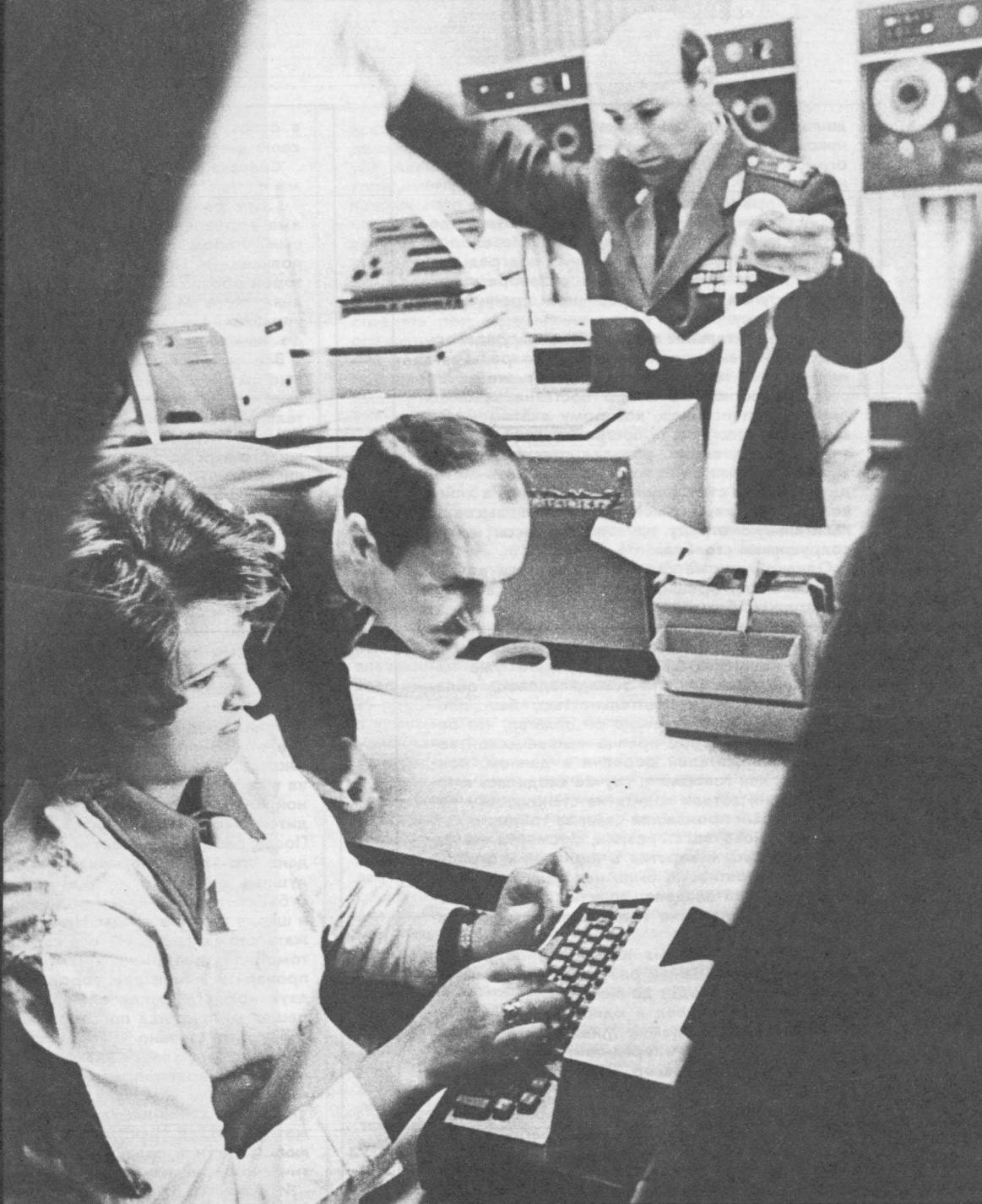

Б

ыло такое дело...

Жители одной подмосковной деревни, лежащей километрах в трех от железной дороги, лет тридцать ходили на станцию неизменным путем — по хорошо пробитой прямой тропе, безошибочно срезавшей углы рощ и пашен. Тропа совсем не петляла, она была как стрела. Да оно и понятно: если люди торопятся к электричке, чтобы не опоздать на работу, или возвращаются из города с тяжелой сумкой в руках, им петлять не хочется, они предпочитают дорогу покороче.

И вот однажды — это было летом — спешившие на станцию деревенские жители обнару-

Отладку программы для очередного занятия ведут оператор Н. А. Степанова, старший научный сотрудник В. Д. Курушин и начальник лаборатории технических средств обучения полковник Н. А. Овсянников.

Начальник академии генерал-лейтенант внутренних войск С. М. Крылов.

жили, что тропа пресечена невысоким заборчиком и порядочный ее кусок оказался на огороженной территории. Это было настолько неожиданно и необычно,— ведь тридцать лет ходили прямо,— что упершиеся в забор парни остановились в полном замешательстве. Потом перемахнули через забор. Но следом шли женщины, а им брать такие препятствия не столь легко. Парни пробили в заборе дыру. И на другом конце отрезанной тропинки — вторую дыру.

Малозначительное это событие обсуждалось в деревне так взволнованно, будто речь шла по меньшей мере о пожаре. В тот же вечер стало известно, что забор поставил какой-то приезжий пенсионер, которому в этом месте выделили участок для постройки дачи.

Пенсионер, видно, обладал рассудительным умом и привык действовать спокойно и метоично. Он не стал заделывать прорыны в хлипком заборчике, а быстро поставил высокую капитальную ограду из толстых досок и несокрушимых столбов.

Однако уже на следующее утро и в этой ограде зияли бреши, сквозь которые вольно, как прежде, бежала тропинка.

Новоявленный владелец земли не пошел жаловаться в милицию, а соорудил кирпичную стену, облицевав ее бетоном,— это уже напоминало крепость. Но землевладелец, обладая житейской рассудительностью, был плохим психологом. Напрасно он полагал, что бетонированный забор крепче человеческой воли. А воля жителей деревни в данном, конкретном, как говорится, случае сводилась к тому, что они хотели ходить на станцию тем путем, который проложили сами за тридцать лет.

Тропу снова восстановили, несмотря на то, что пробивать отверстия в кирпичной ограде, по всей вероятности, было не очень-то просто и легко. Тогда владелец участка, наконец, потерял самообладание и объявил жителям деревни войну.

Дальнейшие события излагать в подробностях нет нужды. Важен результат: тропинка не заросла, по ней ходят до сих пор...

Случай этот привел в одной из своих лекций начальник академии Министерства внутренних дел СССР, генерал-лейтенант внутренней службы, профессор Сергей Михайлович Крылов.

Сразу оговоримся: он не намеревался тем самым обогатить практический багаж своих слушателей. Люди, заполняющие аудитории и лаборатории академии, сами могут порассказать множество случаев и курьезов, и печальное, и трагичнее, и даже трагикомичнее. Он не предлагал контрверсию для софистского судебного разбирательства, ибо это был не вымыселенный случай, а факт из жизни.

Смысл нашей оговорки прояснится к концу этого репортажа. Здесь же скажем лишь, что С. М. Крылов поведал историю с тропинкой в более глубоких целях. Он приглашал своих слушателей задуматься над философской-правовой стороной этой истории. Он желал, чтобы люди, пришедшие в стены академии, с первых шагов прониклись главной идеей, которая должна пронизывать отныне все существование их деятельности, а значит, и весь учебный процесс принципиально нового высшего учебного заведения, подобных которому, в сущности, еще не было. Эта идея — гуманизация всего, что касается взаимоотношений граждан, закона и исполнительной народной власти, представителями которой имеют честь быть слушатели академии.

Генерал Крылов не подвергал сомнению установления закона, но если майор или полковник имярек убежденно сочтет, что в истории с тропинкой не так уж все просто,— этот майор или полковник сделает для себя знаменательный вывод. Это поможет ему усвоить марксово положение: «...Общество основывается не на законе. Это — фантазия юристов. Наоборот, закон должен основываться на обществе, он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства интересов и потребностей, в противоположность произволу отдельного индивидуума.»

Но оставим единичный случай, рассказанный Крыловым, и перейдем к тому, что положено

в основу академии и на чем она строит всю свою деятельность.

Сначала необходимо сказать о технике, форме и стиле преподавания.

...Две большие светлые комнаты, разделенные застекленной стеной. За пультами и длинным столом сидят майоры, подполковники, полковники. Перед каждым — табличка, на которой обозначена должность: министр республиканского МВД, начальник штаба, начальник управления и дальше по нисходящей, вплоть до начальника городского отдела милиции.

Все они только что получили вводные данные об обстановке в городе Н.— не придуманные, не составленные электронно-вычислительной машиной «Наира», которая стоит в зале на первом этаже, а подлинные данные живого города: сколько в нем жителей, работников милиции, дружинников, какие преступления совершены и находятся в стадии расследования и так далее. У каждого своя задача: соответственно должности принять решение и разработать мероприятия по обеспечению образцового общественного порядка. Но у них есть и общая задача, которую можно сформулировать так: каким должно быть управление, чтобы социалистическая законность полностью торжествовала во всех областях жизни.

Это очень не просто. Неплохо, конечно, что мы не ангелы, но гораздо хуже, что по этой причине люди иногда вступают в противоречие с законом, и потому вводные данные являются собой весьма пеструю картину. Обстановка в городе Н. не идиллична с профессиональной милиционской точки зрения. Да, город трудится: варят сталь, делают станки, ткет ткани. После работы отдыхает и развлекается. Граждане его — честные, жизнерадостные, добродушные люди. Но не все. Не вывелись пока субъекты совсем иного рода. Не всегда семья и школа сильнее улицы. Не всякий умеет сдерживать себя в гневе. Не все садятся за руль автомобиля трезвыми... Да мало ли что может произойти в большом городе! Тем, кто в этих двух комнатах ищет единственно правильное решение, придется поломать голову.

Все, что связано с количественными расчетами, не составляет никакого труда: многочисленные аппараты, приборы и машины, которыми оснащена академия, позволяют производить их за какие-нибудь секунды. Машина может рассчитать наилучший вариант решения любой частной задачи, поддающейся математическому анализу.

И в других отношениях участники оперативной игры не испытывают затруднений, потому что подготовлены достаточно хорошо. На лекциях им помогает усваивать материал уникальная телевизионная установка, которая способна передавать на экраны любое изображение — от кинокадра до чертежа или рисунка, исполняемого сию минуту. Они могут контролировать себя без посредства преподавателя — с помощью электронного экзаменатора. В их распоряжение библиотека, насчитывающая немногим меньше миллиона книг.

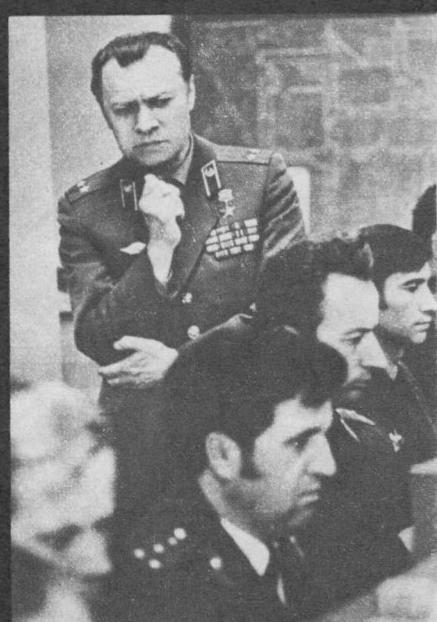
Слушатели академии изучают методы программирования, прогнозирования, психологию управления, уголовно-правовую социологию и, разумеется, все юридические дисциплины. Лучшие остаются в адъюнктуре и защищают диссертации.

Академия руководствуется положением, сформулированным министром внутренних дел СССР Н. А. Щелоковым: «Стране нужны кадры, владеющие богатым арсеналом знаний и средств, позволяющих в максимальной степени использовать преимущества социализма, органически сочетающие их с успехами науки и техники, с достижениями научно-технической революции, охватывающей все сферы нашей жизни.»

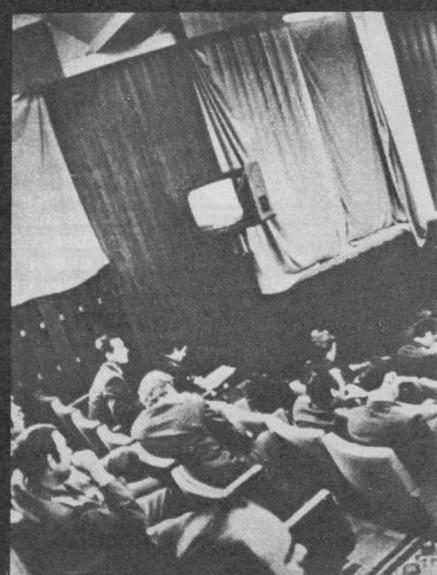
Учат слушателей такие опытные профессора и преподаватели, как доктор исторических наук полковник внутренней службы К. И. Варламов, доктор технических наук генерал-майор-инженер А. И. Москвин, доктор философских наук полковник А. А. Беляев, доктор психологических наук полковник А. И. Китов, доктор юридических наук полковник Б. Е. Богданов, кандидаты юридических наук генерал-майор С. И. Рязанов и полковник К. С. Скоромников, подполковник В. А. Малюткин —

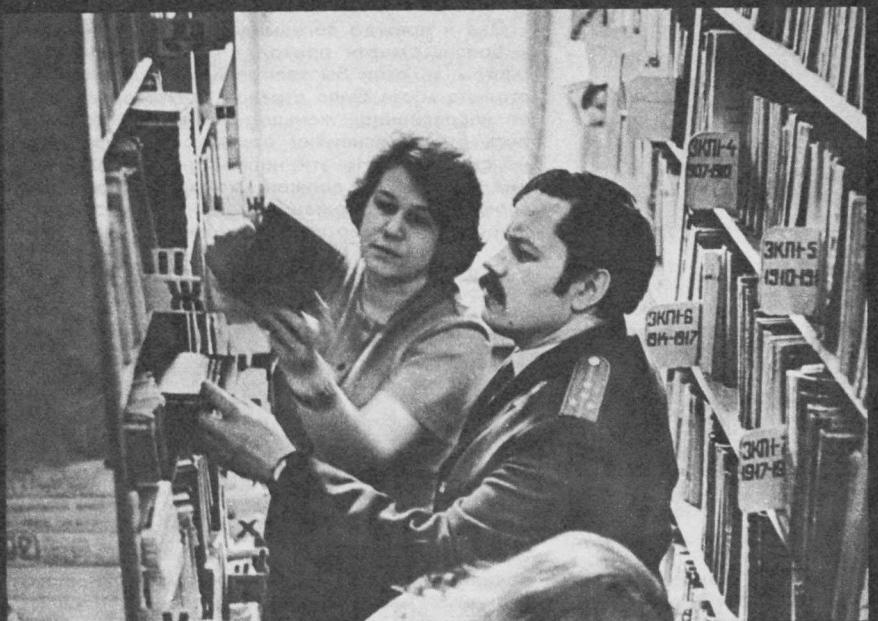

У Арама Ильича Хачатуриана.

Зачет принимает начальник второго курса факультета № 2 Герой Советского Союза подполковник М. Ф. Борисов.

Библиотекарь Н. А. Задорожная
и адъюнкт Г. Л. Овчаренко.

В аудитории.

всех перечислить нет возможности. Шесть академиков, одиннадцать членов-корреспондентов Академии наук СССР, семьдесят два доктора наук работают в советах по присуждению ученых степеней — достаточно красноречивое свидетельство того, каков объем и уровень знаний, получаемых выпускниками. Даже второстепенный для слушателей предмет — огневая подготовка (ведь людям в их рангах и должностях, надо думать, не приходится стрелять при задержании особо опасных вооруженных преступников), — даже этот предмет ведется по самому высокому классу: его преподает почетный мастер спорта, рекордсмен мира, Европы и Советского Союза полковник В. В. Сорокин...

Но вернемся туда, где идет оперативная игра. Она близится к завершению. Старший по-средник — начальник факультета № 1 генерал-майор И. Г. Староверов дал последнее указание, чтобы согласовать и увязать действия двух сидящих рядом начальников управлений.

Руководитель игр Сергей Михайлович Крылов готовится подвести итоги и с большим интересом ждет, какими они будут. В играх определяется степень подготовленности, но есть и другая причина, по которой оперативным играм и учениям в академии придается особое значение. Исследованиями установлено, что коэффициент полезного действия лекций — 25 процентов, семинаров — 55—60 процентов, а практических занятий, каковыми и являются максимально приближенные к действительности игры, — полные 100 процентов.

И все же чисто профессиональное обучение — лишь одна половина работы. Наукой управления по-настоящему способен овладеть только человек, развитый всесторонне. Леонид Ильич Брежnev в приветственном письме коллективу академии в день ее торжественного открытия в 1974 году писал: «...Выпускники академии должны быть не только безупречными специалистами, но и активными борцами за коммунистические идеалы, обладающими широтой мышления, большой культурой, твердым, решительным характером и исключительной человечностью».

Чтобы иметь моральное право командовать множеством подчиненных, каждому из которых порой приходится решать судьбу других людей, надо обладать качествами незаурядной личности, быть нравственно и духовно богатым человеком.

Не зря выпускникам академии вручается диплом об окончании и университета культуры. Это не формальность, не для «галочки». За годы учебы слушатели приобщаются к высоким ценностям культуры и искусства.

Чего греха таить, в текучке рабочих будней — особенно таких, как милицейские, — часто ли может человек выкроить три часа на посещение картинной галереи или музея, на «поход» в оперу или в концертный зал филармонии? Не всегда и книжку-то на ночь почтить удается — от усталости проваливаешься в сон, едва коснувшись головой подушки.

Слушатели академии, без преувеличения, на много лет вперед успевают надышаться воздухом подлинного искусства. Понимать прекрасное их учат не кустарным способом — ими руководят настоящие мастера, истинные художники. Достаточно сказать, что ректором университета культуры при академии работает — на общественных началах, конечно, — всемирно признанный композитор, выдающийся музыкант наших дней, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Арам Ильич Хачатурян.

...Слушатели академии не рядовые инспекторы. Здесь учатся руководящие кадры. Это офицеры с высшим образованием, с большим профессиональным и жизненным опытом. Им не нужно открывать азы нелегкой милицейской службы. Их задача — научиться как можно лучше руководить своими подчиненными, овладеть искусством управления, основанного на коммунистической гуманности.

Вот в чем главное, в чем смысл оговорки, сделанной в начале нашего репортажа.

Впитав самое ценное из накопленного другими учебными заведениями, Академия МВД СССР набирает и создает собственный опыт, совершенствуется сама и все более совершенствует тех, кто учится в ее стенах,

Иванович ойкнул за обедом, начал цыкатать на правой стороне. Она заставила его открыть рот и увидела на нёбе язву. После он никогда не говорил с ней о болезни, впрочем, ей и не требовались его рассказы. Молча он принимал все ужесточавшуюся ею диету — значит, болезнь прогрессировала...

Лет пятнадцать назад от раковой язвы во рту здесь, в уезде, умер их сосед, тоже генерал, и теперь Александру Антоновну все время преследовали воспоминания о той страшной кончине, когда страдаец не захотел видеть и приехавших к нему проститься детей. Подкрадываясь ночью, без лампы, к двери Николая Ивановича, улавливая в страшной тишине его дыхание (сколько раз ходила сердце беспробудная тишина в кабинете!) и, наконец, с облегчением крестясь в разом нагрянувшей испарине, она, едва пришедши в себя, шептала свою теперешнюю молитву: «Уснул бы... уснул бы ты совсем, Коленка! Как бы хорошо — не мучась!»

Знать, не суждено воплотиться ее просьбе. Что-то говорило ей, что предстоит мужу трудный конец, не исполнится любимое им изречение Златоуста: «Христианские кончины жизни нашего безболезненны, непостыдны, мирны, и доброго ответа на страшном судилище Христова просим».

Но едва ли не больше всего огорчала ее объявившаяся в муже перед лицом смерти суетливость: его ночные бдения, хватания за книжки. Будто не был это знаменитый ученый, которому все понятно, будто не сам он ободрял ее когда-то перспективу жизни вечной. «Суетна жизнь человеческая, милая Саша,— она помнила наизусть все его жениховские послания,— и видна участь тех, которые уже больше не существуют. Для них идеал превратился в существенность, борьба кончилась и настали мир и спокойствие: или мир настоящей вечной жизни, или спокойствие настоящей вечной смерти. А здесь ни жизнь, ни смерть, так что-то. Но для чего я говорю тебе это? Этот язык для тебя непонятен».

Она и прежде догадывалась, что понимание и боязнь смерти приходят к человеку с возрастом, и, если бы теперешнее душевное состояние мужа было страхом, это огорчало бы ее несравненно меньше, поскольку поддавалось бы объяснению: отверстой могилой кто не смутился?! Но эти неприятные его метания — словно должен кому-то по мелочи, словно самоотверженные его труды, снискавшие ему славу во всем ученом мире, не обес-

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Борис ЗОЛОТАРЕВ

Юрий ТЮРИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

К

огда она догадалась?..

Окончательно, конечно, в приезд Склифосовского. Осмотрев Николая Ивановича, он как-то все время оставался при нем, избегая очутиться с Александрой Антоновной с глазу на глаз. После обеда, впрочем, он взял себя

в руки, задержался в гостиной, пока Николай Иванович вышел прополоскать рот и по всему было видно, хорошо вооружился против ее вопросов... Против вопросов, но не против молчания. О чем было ей спрашивать?! Она распорядилась уборкой стола, Склифосовский курил, и чувствовалось, как, не имея от нее вопроса, он все сильнее нервничал, ибо, казалось, вопрос этот кричал из всех углов; он же должен был делать вид, будто ничего заслуживающего обсуждения не существует. Больше всего она боялась, что он не выдержит и заговорит: любое его слово сейчас было равносильно для нее прямому признанию безнадежности положения Николая Ивановича. Как назло, и Лидия вышла уложить девочек после обеда; она молилась, чтоб скорее появился кто-нибудь: еще мгновение, казалось, и Склифосовский заговорит (она вся скжаслась, предчувствуя этот тон «святой лжи»); но никто не пришел, а Николай Васильевич все молчал за своей сигарой и эту единственную позволявшую ей хотя бы обманываться линию выдержал до конца, с нею болезни мужа так и не коснулся. Лишь уезжая, когда вышли его провожать на подъезд, вспомнил будто к слову о пользе квасцовского полоскания.

Часто же ей казалось, что все она знала еще осенью, с того самого дня, как Николай

печили ему права сосредоточиться на высоких, солидных мыслях, какие внушиает человеку приближение смерти! Неужели он бывал прав в своем раздражении против нее, упрекая в непонимании?! Вот эта-то мысль была для нее самая страшная. Признай она ее справедливость, ее жизнь теряла бы всякое оправдание.

Вернувшись из библиотеки, она уж и не пыталась лечь. Не умея находиться без дела, попробовала прискать занятие, но найти занятие в ее вылизанной комнатке было мудрено, к тому же по привычке совершина была ввиду отъезда генеральная уборка, а ведь совсем еще рядом была предшествующая, в великий пост. Лаская душу майский запах свежего белья, напоминавший ей юность на Полотняном Заводе, их дом у самого края обрыва над Суходревом — три этажа, четыре высокие колонны портика, далеко видны из окон ветлы, стога на другом берегу, крестьянские лодки. Говорили, что мать принесла отцу огромное состояние, заключавшееся в знаменитых парусных фабриках, и, сколько Александра Антоновна помнила отца, барон Бистром был одержим идеями увеличения этого капитала. С прусской настойчивостью покупались скаковые лошади, доходные дома, сахарные заводы и бумажные мануфактуры... Мать споква-

тилась, когда остались лишь две небольшие деревеньки да этот дом в пятьдесят комнат. А ведь налицо имелось три дочери... Тут открылась в матери прямо болезненная какая-то экономия, воплотившаяся в сугубой опеке над домашним скарбом. Вещи постоянно выветривались, перестирывались, и скоро в доме воцарился запах свежего белья, проникнув даже в залу с коллекцией оружия, где проводила Александра Антоновна дни за чтением... Сумрачная зала в третьем этаже — пришли на память пара серебряных литьев в кожаных футлярах с железными пряжками, внутри оклеенных белой байкой, две подушки малинового бархата на старом, с кистями, баронском кресле против камина, по бокам которого были прикреплены к стене две алебарды... Сама коллекция таяла на глазах: из своего кресла она не раз видела, как самонадеянной походкой принца крови вносил себя в залу отец и, убедившись, что, кроме Александрины, нет никого, в момент претерпевал всегда неожиданную для нее метаморфозу — мелким чиновником подсказывал к какой-нибудь остававшейся еще на стене дорогой вещице (какому-нибудь пистолетику), снимал, ловко прятал на себе и, потрепав дочь по пылающей щеке, снова исполнившись рыцарской внушительности, удалялся.

Из сестер она была старшей, у матери не в фаворе: при всяком очередном крахе предприятия супруга мать вымешала отчаяние на детях; Александра Антоновна же никак не хотела плакать под тумаками, не злую, в сущности, Марию Павловну это бесило окончательно, несколько раз она попытавась переломить молчальницу, впрочем, успеха не достигла, пришлось лишь тратиться на приглашение из Калуги врача... С тех пор Александрину и пальцем не трогали, зато и улетучились остатки материнской привязанности.

Первой наметилась свадьба Маши с сенатором Быковым. Маше не было и шестнадцати, однако инициатива в этом предприятии целиком принадлежала ей — в будущем мать предрекала Маше по этой части «остроту замечательную». Помолвлена была и младшая двоюродная сестра, Натали Трегубова, с соседом-помещиком. Тут-то и появился в доме учитель танцев — мать решила, что пора браться за Александрину. Маша смеялась, что угрюмая Александрина отправляется учиться танцам, как на казнь. К счастью, это сделалось скоро очевидным всем, учителя отставили, но тут глядя на ночь приходит к ней как-то Мария Павловна с неожиданным известием

как вдруг в начале февраля Лиза бежит в комнату Марии Павловны с каким-то конвертом, в одиночестве собираются в Петербург, где в интимно освещенной гостиной дома на Английской набережной Александра Антоновна застает музицирующее общество. За фортепьяно — необыкновенно порывистая и восторженная дама, играющая новую симфонию Листа... Александра Антоновна приняла было даму за генеральшу, но тут кто-то нежно обнял ее сзади за плечи, вздрогнув, она обернулась и увидела рядом настоящую красавицу, с добрыми прекрасными глазами натуры влюбчивой. «Если это тебе не слишком невозможно, — смеялась она, — то зови меня Женни!» Она была мать трех взрослых сыновей, пристроенных в разных корпусах, дочери-подростка, но, конечно, казалась никак не материю им, скорее старшей сестрой.

Женни быстро захватила ее доверчивость, в тот же вечер сведя в заветные, хотя, как выяснилось скоро, известные слишком многим тайники своей беспиростной души. Сердце вдовы принадлежало Николаю Петровичу Витгенштейну, сыну фельдмаршала, наследовавшему отца титул светлейшего князя... В первой молодости, тараторила Женни, Николая бросил этот титул к ногам надменной полячки, весьма, впрочем, образованной, штудировавшей в подлиннике талмуд, Шеллинга и Спинозу. Увидев на концерте в Киеве Листа, красавица энциклопедистка бросает Николая Петровича и устремляется вместе с дочкой за пианистом, Витгенштейн же прилепляется к вдовьей обители, знаменитой необыкновенной величины котлетами. Скоро Александра Антоновна был открыт и этот секрет: в детстве пекармливаемые, мальчики Женни, когда очередь за обедом доходила до котлет, наперебой кричали: «Только одну!» — и бабка распорядилась повару, что пусть будет «одна», но большая.

Это был легкий, открытый дом — не в смысле вечных посещений (хотя дверь в нем не закрывалась, казалось, круглые сутки), а в смысле открытости отношений его обитателей. Не маскировалась даже наивная война Женни с матушкой, нередко кончавшаяся слезами обеих воевавших сторон. Женни уверяла Александру Антоновну, что, ежесчасно терзаемая старушкой, несет тяжкий крест, что матушка демонстративно не подает Витгенштейну завтракать, спарывает кружева с ее ночных сорочек, полагая, что эта мера подвигнет дочь к целомудрию, уверяет, наконец, что той скоро уж пятьдесят, что она очень гадка со-

на косноязычных калужских пастырей; за своим потрясением она плохо поняла содержание, но разве могло оно быть не прекрасным, ведь она видела слезы на глазах художника Моллера, его сестры Эмилии Амосовны, профессора Здекауэра, мужа Эмилии Амосовны капитана Богдана Александровича Глазенапа!..

Всегда после вся компания олицетворялась у Александры Антоновны в образе Эмилии Амосовны — музыкантши, увиденной ею при входе в гостиную Женни. То была особа необыкновенная — впечатлительная, увлекающаяся и притом рассеянная. Примеры и одного, и другого, и третьего встречались на каждом шагу. При самой обыкновенной беседе Эмилия Амосовна могла вдруг порывисто вскочить, повторяя: «Нет, нет, это невозможно... Это более чем невозможно!»

Что невозможно?! Почему?! Этого никто не знал. Страстно любя музыку, Эмилия Амосовна не только играла, но и пела, увлекаясь и вкладывая в пение столько чувства, что даже Александре Антоновне с трудом удавалось сдержать улыбку. Однажды, стоя за столом пианиста, она до того увлеклась, что, забывшись, забралась пальцами в его густую шевелюру, потом, спохватившись, отдернула руку и, к ужасу присутствующих, обнажила совершенно лысую голову романтичного музыканта.

Александра Антоновна жила в Петербурге вторую неделю, отец с матерью уехали кудато по делам (похоже было, что осада снята), ее подозрительность улетучилась, да и нельзя было бы жить с нею посреди этих людей; к тому же ничего не указывало на наличие среди них «жениха». И тут-то Эмилия Амосовна заводит при ней с Женни разговор об их «милом докторе», восхищается, как кстати в Ревеле брат их познакомил: в тот год у Эмилии Амосовны скончался отец, и она впала в истерическое состояние, заставлявшее ее поминутно плакать. Доктор посоветовал морские купания и больше движения на чистом воздухе; слывя же между приезжими большим знакомок по части ревельских прогулок, предложил ей экскурсии, на которые они (рассказывала Эмилия Амосовна) ежедневно отправлялись вчетвером: она с братом, Николаем Федоровичем Здекауэр и доктором, их руководителем. Прогулки принесли очевидную пользу: истерические припадки, грустное настроение духа прошли, а между тем (тут Эмилия Амосовна сошла не на идущий к ней фривольный тон, сразу настороживший Александру Антоновну)... между тем (двусмысленно улыбается рассказчица) ревельские и петербургские сплетницы уже шептались про эти прогулки, называя их «совместные экскурсии доктора Пирогова и т-те Глазенап...»

— Ах, Женни! Я думаю, вы все еще не умеете совсем представить себе нашего доктора!

В обычной своей восторженной манере Эмилия Амосовна рассказывала, что доктор — вдовец, что страстно желает найти мать двум своим малюткам. «Я предупреждала его... как женщина, — продолжала наивная музыкантша, — советовала не говорить повсюду, что главную роль в возможном его будущем браке играют дети! Но доктор прав: почему, спрашивает, не говорить?! Мне ли, кто всегда так откровенен с другими, быть неискренним с будущей женой? Да я буду это тысячу и еще тысячу раз повторять, потому что мой долг во всеуслышание заявить, что именно эти невинные создания могут содействовать прочности, святости и даже самой возможности моего второго брака. Без этих созданий не знаю, что стал бы я делать после смерти первой жены, и, не будь у меня детей, любая женщина, вероятно, навеки оставалась бы мне чуждой... Он так говорит! Меня не пугают более несчастия в этой жизни, — Эмилия Амосовна поднялась, стараясь телодвижениями и интонацией воспроизвести благородного «доктора», — эти несчастия не поразят меня никаким, пусть только дети мои будут хорошо воспитаны... согласно моим принципам... я готов с открытым лицом встретить все беды и все крушения на тернистом жизненном пути, готов приносить жертвы для матери моих детей, и, если когда-нибудь она придет ко мне и скажет: «Я несчастлива с вами», — я отвечу решительно и твердо: требуйте от меня, что должен я сделать, чтобы вы были счастливы, и будьте уверены, что все будет выполнено!»

Неужели они не чувствовали, как вредила их «доктору», вдовцу с двумя детьми, тайно-му советнику, подобная риторика! «Сделать

ПИРОГОВА

о поездке в Москву, дарит изящную книжечку под девичий дневник. Тою же ночью сделана была в дневнике единственная покуда запись. «Мой журнал», — написала впереди. И на второй страничке: «Терпение и бодрость! Господь не оставит тебя, одинокая душа».

И вот высокие открытые их места убегают за тройкой в дремучий лес, не часто по пути этот лес расступится: один раз возле Тихоновой пустыни (долго было видеть ее пятиярусную колокольню) и еще у Мстихино. Наконец-то замерзла Яченка, подъем Смоленской улицы, первая калужская церковь... Переночевали, и — в первопрестольную.

На Пречистенке, в доме дочери Антона Антоновича от первого брака, замужней уже Лизы Арцыбушевой, ждали какого-то письма из Петербурга, от кузины Евгении Федоровны Козен (по отцу тоже Бистром). Александра Антоновна понимала, что письмо это должно решить ее участь, и в душе была предубеждена против кузины, в руках которой находилась теперь ее жизнь. Евгению Федоровну она никогда не видела, но слышала о ней как о красавице, вдове старого генерала, и это пресловутое сочетание, конечно, также способствовало предубеждению.

Кузина, впрочем, упорно молчала, уж Александра Антоновна потихоньку стала оттаивать,

бой и ей неприлично думать о новом замужестве. Несмотря на свои экспансивные жалобы, Женни слушалась мать, полагая, что, ложась рано спать, одеваясь и кушая, как та велит, совершаает богоугодное дело... Из-за чего хлопотали обе! Старушке не хотелось замужества дочери, чтобы по привычке иметь на руках все ключи от шкафов, которых у нее никто и не собирался забирать — во всяком случае, не мягкий Николай Петрович. Другой было одноко, хотелось замуж, однако не менее того хотелось, чтоб ее считали послушной и приверденной дочерью.

Но даже и при этой домашней войне Петербург показался Александре Антоновне облегчением. Ей нравились умевшие радоваться вся кому пустяку, похожие на детей люди, собирающиеся в гостиной Женни и при всяком обстоятельстве торжественно заявлявшие о своем отходе от ортодоксального лютеранства. Одни формально еще оставались протестантами, другие официально перешли в православие — и все с одинаковым увлечением слушали пастора Нельсона, проповедовавшего в независимой от евангелическо-лютеранской консистории молельне общине гернгутеров. Развеется, сводили «на Нельсона» и Александру Антоновну. Ее ошеломил этот вдохновенный интимный проповедник, столь непохожий

счастливою». Неприятными, не шедшими к представлявшемуся ей облику казались Александре Антоновне даже не сами слова, а стоявшая за ними мужская самоуверенность — за версту несло провинциальным фатом... Конечно, эти слова могли быть добавлением Эмилии Амосовны, полагавшей, что сентиментальный гарнir не может испортить никакое блюдо.

Странно примиряла Александру Антоновну с ее жребием именно обыденность, то, собственно, что предстоявшая ей жизнь, по-видимому, мало чем могла отличаться от ее прошедшего. Ее брали заглазно, к детям и ради детей. Но разве не жила она без любви (привязанность отца ей всегда казалась сродни любви Антона Антоновича к борзой сучке Ляльке), разве не был сдан к ней на руки братишко и разве, утешала она себя, не это дитя было единственной твоей отрадой? «Владимир останется со мной!» — сложилось в голове ее единственное условие. Никогда прежде не думая о своем замужестве конкретно, она понимала теперь, что, если и могла думать, то именно о таком бесполом браке...

Живописуя между тем заслуги доктора, Эмилия Амосовна сообщила, что возвратившемуся из Италии брату, где тот написал знаменитый портрет Гоголя, доктор помог избавиться от сильной невралгии седалищного нерва, и эта смешная болезнь почему-то снизила в глазах Александры Антоновны образ изысканного, прекрасно сложенного художника.

Вечером музтировали. Люстра в гостиной зажигалась редко: Женни объяснила как-то, что сделана люстра из пальче-маше и левкас на проволочном каркасе, и при зажженных свечах позолота ее весьма мало уже напоминает бронзу; на новую же люстру средств в доме не было. Затаившись в углу гостиной, куда плохо добирался свет стоявшего возле рояля торшера, и презирая себя за этот свой интерес, Александра Антоновнаглядывалась в каждого входившего и не сразу даже угадала «доктора» в невысоком, худом, резком в движениях человеке, больше похожем на только что выпущенного студента, чем на профессора и генерала.

Его приняли как гостя заслуженного, состоявшегося горячий разговор о написанной доктором значительной какой-то статье на воспитательную тему, наперебой требовали от него читать, он, впрочем, и сам походил на человека, которому не терпится сообщить свои мысли, и даже уж слишком поспешно согласился, устремив взгляд в угол, к Александре Антоновне. Заметно косивший левый глаз придал взгляду доктора как бы вопросительное выражение, Александра Антоновна невольно кивнула, он достал из бокового кармана сюртука измятую тетрадку и, сев у торшера за поспешно поднесенный к нему столик стиля жакоб, стал читать посреди всеобщего почтиального внимания.

— ...Люди, родившиеся с притязаниями на ум, чувство, нравственную волю, иногда бывают слишком восприимчивы к нравственным основам нашего воспитания, слишком проницательны, чтобы не заметить при первом вступлении в жизнь резкого различия между этими основами и направлением общества...

Доктор читал слишком громко, будто его мысли заведомо оспаривались присутствующими; между тем ему внимали не менее подательно, чем Нельсону.

— ...Недовольные, они слишком скоро разлаживаются с тем, что их окружает, и, переходя от одного взгляда к другому, вникают, сравнивают, все глубже роются в рудниках своей души и, неудовлетворенные стремлением общества, не находят в себе внутреннего спокойствия, стараются во что бы то ни стало перевоспитать себя и тщатся проложить новые пути...

Все эти «нравственные основы», «рудники души», «проложить новые пути» были для нее из того же неудобоваримого ряда, что и «сделать счастливою», высненность всегда съеживала ее неловкостью за говорившего, заставляя представить себе, как, на манер импозантного Антона Антоновича, бросится при случае «пролагатель новых путей» тащить со стены пистолетик и ловко замаскирует на себе дорогую вещицу. Уж она глядела на доктора под разоблачительным углом. Крупная его голова с широким выпуклым лбом была покрыта

младенческим пушком, предварявшим совершившую лысину, впрочем, худое лицо с глубокими складками от крыльев носа к углам губ, напряженные ноздри, прихотливый рисунок полных губ вполне сочетались с этим оголявшимся черепом, так что (странные дела!) доктор не производил впечатления лысого человека, вернее, эта черта его внешности не воспринималась как недостаток.

Поначалу она слушала плохо, не вникая в смысл, но после что-то задело ее, она захотела понять, что именно, и наконец поняла: задело ее все более явственное волнение чтеца, не совместное со взятыми напрокат красавицами. Волнение его не было уловкою, какой (теперь она понимала это) была благопристойная экзальтация виденного ею недавно проповедника, «вещавшего истину». То не было торжество знающего истину, скорее — отчаяние боящегося ее не найти. Невольно она стала вслушиваться в слова.

— ...Вы вспоминаете, как наряженные в мундир, затянутые в корсет, выступили на поприще жизни, как радовались, глядя на свет божий! Горе не принуждало вас слезами нищеты орошать хлеб насущный (уж доктор был в расстегнутом сюртуке), треволнения жизни не тревожили детского сна, — так и рвалось круиться и ликововать в шумных хороводах толпы! В этом чаду разгулья вам и в голову не приходило подумать, что вы еще не воспитаны. Да и как могло это быть, когда воротник мундира, корсет и юбка, стройно облегавшие ваш стан, иностранные языки, на которых вы читали и ловко объяснялись, нравственные и ученыe книги, по которым вы учились, клавикорды, на которых вы бегло играли, ясно показывали вам, что вы воспитаны как нельзя лучше!..

Бередили слух его бесконечные вопрошения и восклицания, словно оратор чувствовал, что детище его обречено.

— Прошло несколько счастливых лет в этом убеждении, ваш ум и чувство, которые благодаря судьбе еще не успели совсем оглохнуть и онеметь от шума и ликования, начали вам напоминать что-то вроде наставлений. Вы бросили испытывающий взгляд на кружасшиеся толпы, с которыми вы так бессознательно крутились, и перед вашими глазами открылась ясно Вальпургисева ночь бытия...

Гостиная слушала, отдавая должное высоким мыслям чтеца, но она заметила, что, разделяя по-видимому докторово недовольство, друзья Женни вовсе не склонны, как он, начинать это недовольство с недовольства собой, — читаемое доктором было для них «про кого-то», тогда как ей казалось, что он озабочивается тем именно, чтобы каждый посмотрел в себя.

— ...разлад нравственных основ воспитания с направлением общества, при самых твердых политических основаниях, может все-таки поколебать его рано или поздно. Существуют только три возможности вывести из этого ложного и опасного положения. Или согласить основы воспитания с настоящим, а не лишь проповедуемым, направлением общества, или перемениТЬ направление общества, или, наконец, приготовить себя воспитанием к внутренней борьбе, неминуемой и роковой, доставив себе способы и энергию выдержать этот неравный бой. Следовать первым путем не значило ли бы искалечь то, что осталось на земле святого, чистого и высокого? Одна только упругая нравственность фарисеев и иезуитов может подделываться высоким к низкому и произвольно соглашать вечные истины наших нравственных начал с преобладающими в обществе меркантильными и чувственными интересами. Изменить направление общества есть дело Промысла и времени. Остается третий путь. Он труден, но возможен: избрав его, придется многим воспитателям сначала перевоспитать себя. Приготовить нас к этой борьбе значит именно «сделать нас людьми»...

Чувствуя, как теряется контакт со слушателями, раскрасневшийся доктор все чаще бросал на них взгляды, взглянул как-то и на Александру Антоновну и уж дальше, читая, обращался лишь к ней, а она отводила глаза, стесняясь, что другие не признали в ней изгоя, каким (что-то подсказывало ей это) признавали они в душе доктора. Сорок лет, двое детей, генерал... — и «искать пути»?

— ...вы убедились, что, отыскивая земное участие, вы хотите проявить мысль о бессмер-

тии в семье и обществе. Но что, если вас не поймет та, в которой вы хотите найти сочувствие к убеждениям, так дорого приобретенным, в которой вы ищете сотрудницу в борьбе за идеал?..

Лицо ее залила тяжкая краска —казалось, все смотрят на нее, знают, что слушать эти сомнения вдовца везли ее тысячу верст!

— Что, если спокойная, беспечная в кругу семьи жена будет смотреть с беспечностью улыбкой идиота на вашу заветную борьбу? Или, как Марфа, расточая всевозможные заботы домашнего быта, будет проникнута одною лишь мыслью: угодить и улучшить материальное ваше бытие. Пусть женщина, окруженная ничтожеством толпы, падет на колени пред Провидением, когда, положив руку на юное сердце, чувствует, что оно еще бьется для святого вдохновения, еще готово убеждаться и жить для возвышенной цели!

Или он почувствовал ее состояние?! Неожиданно смешавшись, он перестал читать, сказал, что сочинение его еще не кончено, поспешил сунуть тетрадку в сюртук, показывая, что дело решено и уговоривать бесполезно, пообещав, впрочем, горячо кинувшейся к нему Женни в самое близкайшее время продолжение.

«Прочти, Александрина, что пишет мне доктор!» — порывисто вскочила на следующий день за их поздним завтраком Женни. «Я!» — «Ну да — тут именно тебя касается!» — сияя, Женни протягивала ей письмо, она же, чувствуя, как в ней все напряглось, стояла в своем черном платье с большим черным бантом и никак не решалась его взять.

«Писано в анатомическом театре», — значилось наверху почтового листа и ниже: «Посылаю вам заключение моих «Вопросов жизни». Им будет все решено: да или нет. Если да, то пусть рука той, которую я вчера видел у вас и которую избираю моим судьбою, проведет пером черту под тремя последними словами и возврати мне назад мой приговор. Если нет, то вы сожгите собственной рукой роковой вопрос».

Опять этот язык небожителей — «все решено», «мой приговор», «роковой вопрос». Ну можно ли позволять себе такое взрослому мужчине! Какой «приговор»?! Разве все не было условлено заранее? А тогда в чем он сомневается, неужели ему важно знать, что она чувствует, если и без того сговорено? Неужели для того, кто тщится «проложить новые пути», может составлять тайну, что она чувствует! Но что-то в ней как будто не хотело возмущаться, заставляя снова пробегать эти напыщенные или (не позволяла она себе такого необъяснимого поворота) писанные человеком волнующимся строки. Но тут был для нее еще пущий вопрос: отчего ему волноваться?!

— Ну же, Александрина! — позвал откуда-то из пустоты голос Женни. — Прочти же эти последние слова, про какие он пишет! Нет, на другой стороне, в конце!

Все еще не пуская себя признать волнение доктора и вместе с тем уже живя только этой, казавшейся ей неправдоподобной, мыслью, Александра Антоновна машинально перевернула страницу.

...Но та, которая в минуты святого вдохновения услышит призывающий голос высшей власти: иди — на благородное призвание сочувствием утешить участь, для будущего жить в борьбе, взаимной жертвой воодушевлять готовность жертвовать собою,— та пусть простирает руку, сказав: «Да, я готова».

Строки прыгали в глазах, она ничего не поняла... какая-то тарабарщина... поистине, доктор был неисправим!

— Что же мы ответим доктору? — улыбалась рядом Женни.

Александру Антоновну нисколько не задело, что вместе со своим вопросом кузина протягивала ей изящный серебряный карандаш, словно и не могло быть сомнения в положительном ответе, не задело ее и то, что в самый момент произнесения этого вопроса в гостиной объявились отец и мать, невесть каким образом только что возвратившиеся в Петербург. Глядя на мать как бы даже с вызовом, она взяла у Женни карандаш и, положив трактат доктора на крышку рояля, подчеркнула три последних слова.

«Да, я готова».

Окончание следует.

М. Савицкий. Род. 1922. ЗЕРНО. 1975.

XIII выставка произведений членов Академии художеств СССР.

В. Загонек. Род. 1919. ИДЕТ ВЕСНА. 1976—1977.

XIII выставка произведений членов Академии художеств СССР.

НА КАЛИНИНСКОЙ СЦЕНЕ

Н. ТОЛЧЕНОВА

Наверное, Пушкин бывал на тверской земле гораздо чаще, чем мы, москвичи нынешние, бываем в Калинине... И напрасно! Ибо и самый город и вся Калининская область полны больших и радующих неожиданностей, особенно для тех, кто имеет возможность, побывав здесь однажды, сравнивать день нынешний и день вчерашний... Все кругом будто тебе знакомо, а вместе с тем все видишь словно бы в первый раз; все выглядит по-иному — крупней, значительней, краше; все живет в созидании, первостроении либо реконструкции, обновлении.

Этой же глубинной мыслью: достижением закономерности хода истории, движения всей в целом народной жизни — пронизаны и устремления калининского театра. Он интересен не только сам по себе, как бывает интересен всякий вообще сильный артистический коллектив. Калининская сцена привлекает в первую очередь ощущением неподдельного внутреннего единства театрального организма с тружениками области. Внутренние токи здешней земли прочно привязывают к себе и, более того, питают калининский театр. Причем особое это единство чувствуешь не только в спектакле на «местную», как принято выражаться, тему: «Верен тебе». Его ощущаешь и в постановке, например, пьесы о чилийских патриотах «Интервью в Буэнос-Айресе», и даже — что может показаться совсем уж удивительным — в том, как решен на калининской сцене чеховский «Вишневый сад»... Эти спектакли, интересные, повторяю, каждый по-своему, выстроены по единому замыслу главного режиссера Калининского драматического театра Веры Ефремовой. Ее известность как режиссера-новатора и одновременно режиссера-реалиста продолжает расти после того, что было сделано ею в Челябинске, в Ульяновске. Способнейшая ученица А. Гончарова и Н. Горчакова, она владеет тем секретом режиссуры, который, видимо, заключается в умении сперва осмысливать жизнь, заключенную в пьесе, а затем выразить ее во всех деталях сценического действия.

«Вишневый сад» поставлен на калининской сцене талантливо. Поставлен, мне думается, ради того, чтобы доказать возможность прочтения Чехова — современного, подлинно новаторского, а вместе с тем поистине реалистического, неискаженного.

Осмысление чеховской пьесы становится таким сильным благодаря глубинному проникновению постановщика и всего актерского ансамбля в суть современной Чехову жизни, в ощущении надвигающихся революционных пере-

мен... В самом деле, ведь в «Вишневом саде» сотрясена, «сдвинута», трагически нарушена приближившимися вплотную переменами жизнь не только Любови Андреевны Раневской. Нет, все действующие лица предстают как люди одной эпохи, одного жизненного пласта, срока которого кончились, иссякли: он уходит на слом. Такова мысль Чехова, воплощенная Ефремовой в персонажах «Вишневого сада».

Трагедия же Раневской, которую лирически мягко, без прямолинейных «обвинений», но очень выразительно играет В. Сурудина, не то чтобы отступает на второй план по сравнению со многими другими судьбами, тут же, рядом ясно увиденными и четко обрисованными режиссурой и актерским ансамблем, — но не становится лейтмотивом спектакля. Наиболее надломленная личность, как и главная трагическая роль здесь, — Лопахин, самая масштабная и самая сложная, крупная фигура в этом спектакле, где нет, еще раз заметим, ни одной судьбы незначительной, ни одного «проходного» персонажа. Все участники событий вкладывают что-то свое в эту начавшуюся уже гибель «эпохи вишневых садов», эпохи распада никчёмного существования, внешне такого изящного, элегического, а по сути паразитарного, господствующих хозяев, продолжающих бессознательно, а теперь уже и бессильно цепляться за то, что ушло, рассыпалось прахом и не вернется уже никогда.

Да тут все сущее вокруг них как бы подернуто — даже и внешне! — ощущением этого тленна, этого распада. Художник А. Тарасов во всем верен режиссерскому замыслу. Вишневого сада на сцене перед зрителем вообще нет, сад отсутствует, и это очень точно сценографически решено: ведь ни Гаев, ни Раневская уже давно не имеют никаких прав, ни нравственных, ни тем более хозяйственных, практически-деловых, на этот бывший вишневый сад. Они давно бросили, прожили, изжили его, хоть и продолжают говорить о нем с неподдельной душевной болью. И только лишь ваза с несколькими ветвями цветущей вишни напоминает о былом великолепии и этого имения и этого барского дома. Большая полукруглая комната сначала покажется светлой, красивой, но когда ее разглядишь в подробностях, то видишь, что стены покрыты какими-то лоскутками обояев, по цвету напоминающими поблекшие, пожелтевшие кленовые листья... Видно, когда-то жили здесь удобно, уютно, но жили неправедно. И теперь другая, на смену идущая жизнь расплачиваются с ними — с каждым по-своему. Больнее же всего она ударит по Лопахину.

Роль Лопахина в исполнении А. Чуйкова, одного из наиболее талантливых и ярких артистов в

этой талантливой труппе, поражает силой образного открытия.

Но, повторяю, о каждом персонаже калининского «Вишневого сада» можно рассказывать отдельно. За каждым из них стоит одинаково грустная история непопра-

выдова в «Поднятой целине» и многие другие. Но талант Чуйкова многообразен, — например, остро трагичен клоун Бом в пьесе Г. Боровика «Интервью в Буэнос-Айресе» — комик из варьете, у которого фашистская хунта в Чили зверски убила шестнадцатилетнюю doch...

Пьеса о Чили осуществлена Ефремовой с тем же внутренним, психологическим напряжением, которое при внешней сдержанности исполнительской манеры заставляет зрителей испытывать большое волнение. Прекрасно играют в этом спектакле и артисты старшего поколения и молодежь, не говоря уж об исполнителях главной роли В. Гатаева.

Недавно театр поставил еще одну пьесу, которую определил как «сцены из жизни». Это «Верен тебе» А. Чуйкова. Мне думается, что Чуйков (все тот же А. Чуйков) назвал свое произведение точно. Здесь еще нет большой драматургии, но есть живая жизнь села со всеми ее непридуманными проблемами.

О чем же повествуют эти сцены из жизни?.. О хороших людях, работающих в сегодняшней деревне, самоотверженно создающих новую экономику на старой земле, решительно перестраивающих хозяйство по комплексному методу, как, к примеру, уже переоборудованы в Калининской области совхоз Верхняя Троица и совхоз имени 50-летия СССР; как перестроен колхоз имени Кирова, возглавляемый В. В. Григорьевым... Во главе этих хозяйств стоят известнейшие на калининской земле хлеборобы, умные и рачительные хозяева. Они и были советчиками и консультантами театра. И понятно, почему в колхозах и совхозах Калининской области, куда очень часто театр выезжает со спектаклем «Верен тебе», идут горячие обсуждения постановки и публика так тепло, сочувственно ее принимает.

...Спектакли, созданные В. Ефремовой, заставляют думать о многом. И прежде всего о той, невидимой для многих работе, которую сама-то Ефремова определяет весьма лаконично: всегда необходимо смотреть в корень вещей.

Мысль жизнетворная. «Корень» жизни, смысл вещей, найденные и положенные режиссером-художником в основу спектаклей, — серьезные, а не бойкие, не «модные»... Понимание главных, серьезных задач театра, а не лихие, на потребу «кассы», спектакли, в которых видишь лишь подобие современности...

Калининская сцена не однока.

Многие русские театры, находящиеся в огромной зоне Нечерноземья, переживают сейчас как бы свое второе рождение, — они тоже всемерно помогают древним русским землям обрести новые силы, помолодеть, идти дальше...

«Вишневый сад». Раневская — В. Сурудина, Лопахин — А. Чуйков. Фото И. Рыбакова

«Интервью в Буэнос-Айресе». В роли аптекаря-подпольщика — А. Годлевский. Фото М. Стронкова

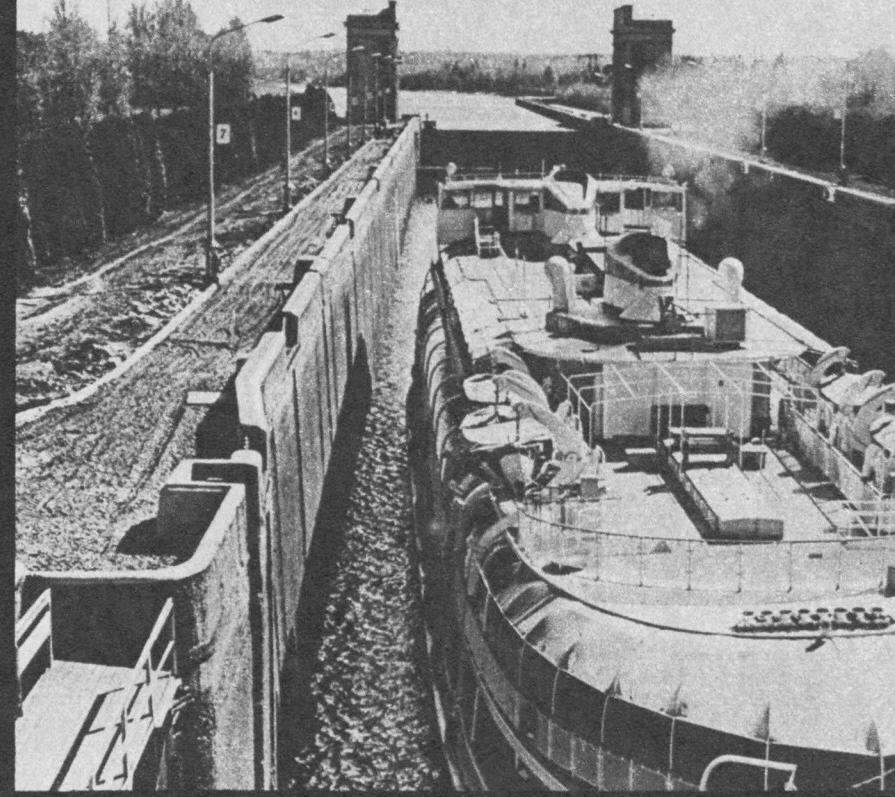

вимо изуродованной человеческой жизни. Чуйков же образом Лопахина привносит в спектакль ощущение масштабов Истории, масштабов грядущих перемен. Нет, не этот разбогатевший мужик будет хозяином садов и всей земли, но совсем другие люди. Люди, эту землю возделывающие...

Интересно, что Александр Чуйков пришел на сцену из самодеятельности. Конечно, это было давно, но все в Калинине знают, что произошел он из рязанских крестьян, был когда-то еще и рабочим... Знание жизни помогает таланту Чуйкова... Скажут: так вот откуда образ Лопахина, образ Да-

Капитан теплохода «Монголия» Э. А. Меркулова.

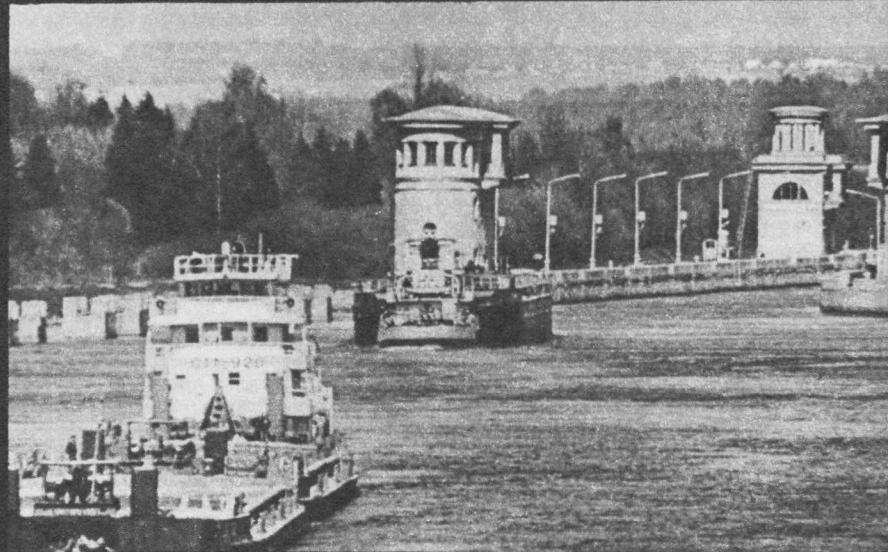

Шлюзование.

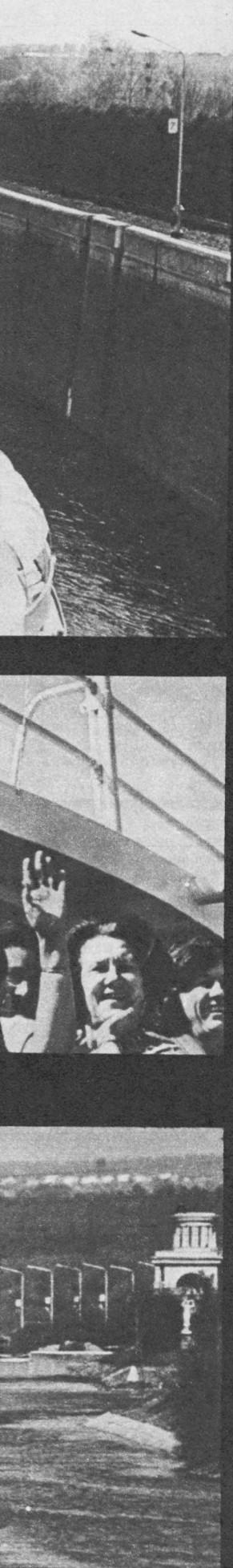

Здравствуй, Москва!

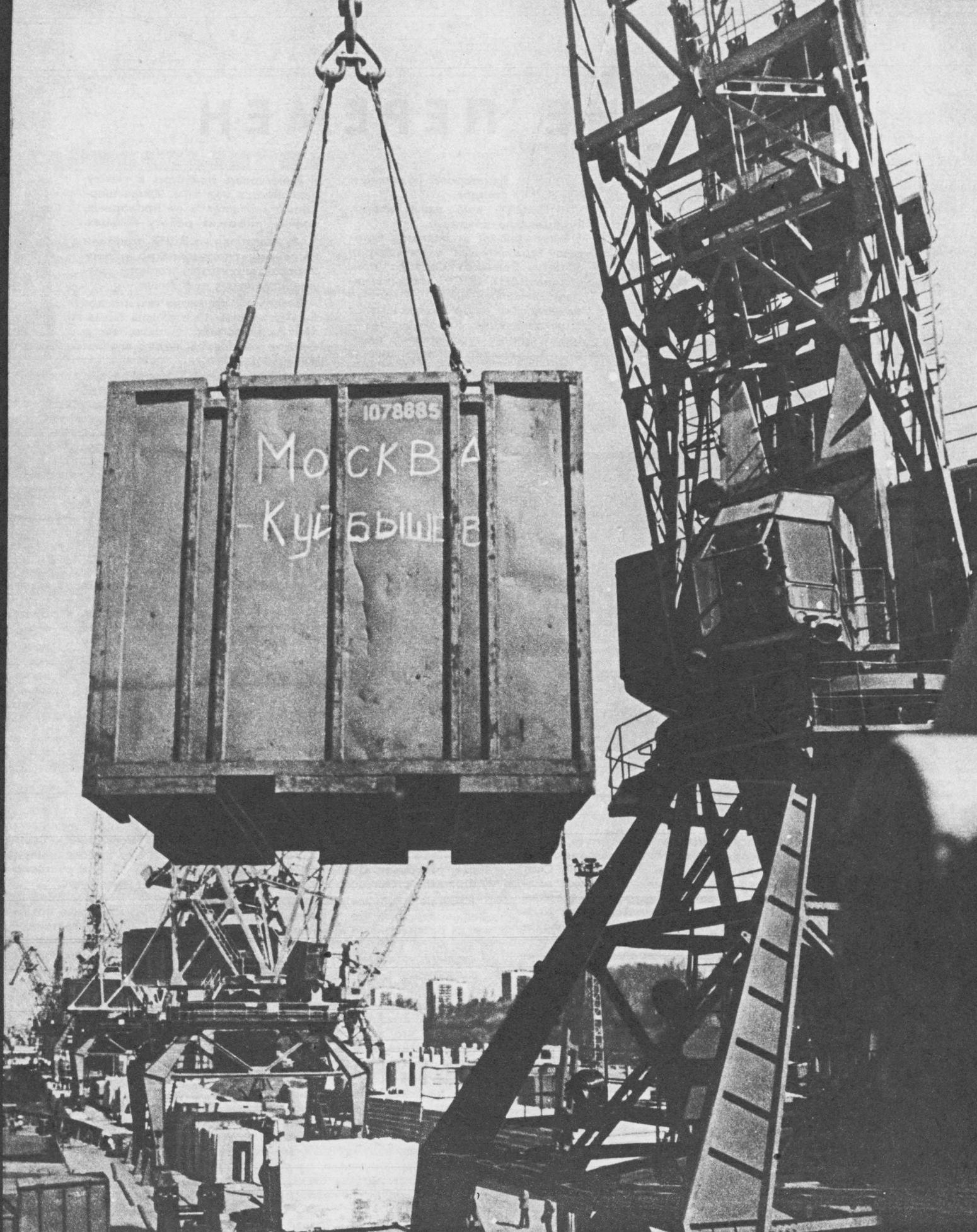
Идут и идут грузовые суда...

РЕКА РАБ

Погрузка в Северном речном порту столицы.

ОТАЕТ

З. ХИРЕН

Фото И. ТУНКЕЛЯ

B

солнечное майское утро, покинув шумный Северный речной вокзал столицы, отправляемся на небольшом теплоходике «Рубин» в далёкое, как выразился начальник управления канала имени Москвы кандидат технических наук Леонид Сергеевич Быков, плавание, чтобы получить представление о том, что такое река, когда она работает.

Леонид Сергеевич Быков прошел здесь путь большой. Начал с рядового инженера,

ВЕЛИЧИЕ ПЕРЕМЕН

ДНИ ТУРКМЕНИИ НА ВДНХ

Торжественность юбилейной экспозиции.

Джерен Данатарова подошла к одному из стендов.

— Покажу вам наши ковры. Туркменские ковры...

В юбилейной экспозиции, которую Туркменистан в преддверии 60-летия Великого Октября привез на ВДНХ СССР, ковры занимают немалое место. Известная ашхабадская фабрика показывает свою продукцию. Ковры разные — традиционные туркменские, паласы... В орнамент вплетены цифры «60».

— Как удается делать такую красоту! — восхищенно спрашивает кто-то из посетителей павильона.

Данатарова подходит к станку, наклоняется над ним. Яркая шерстинка мелькает в ее проворных, ловких, знающих работу пальцах.

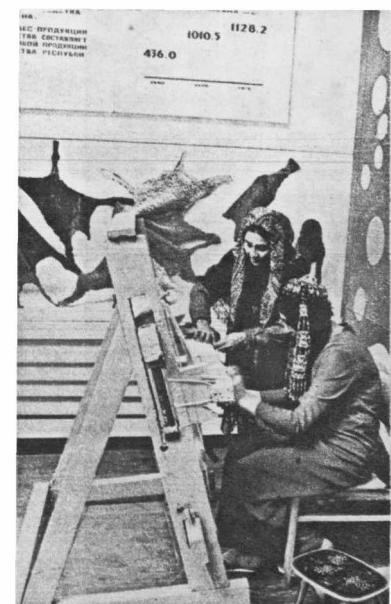
Из Ашхабада на ВДНХ приехали не только ковровщицы, но и хлопкоробы, энергетики, геологи, машиностроители, нефтяники.

Беседуя с одним из тех, кто добывает нефть. Ораздурды Поманов рассказывает, однако, не о себе, а о хлопке, о людях, его выращивающих.

— Туркменистан — родина отличных тонковолокнистых сортов хлопчатника. Наши учеными-селекционерами выведено и внедрено десять его сортов. Вот эти ткани — из такого хлопка. Республика и выращивает хлопок, и перерабатывает его, и шлет белое волокно во все концы страны.

...Переходим из зала в зал. Марьинская ГРЭС — гордость Туркмении. Станки, машины, бытовая техника. Красноводский нефтеперерабатывающий завод. Предприятия по добыче газа. Сложное технологическое оборудование. Изделия народных промыслов. Продукция предприятий легкой промышленности. В прошлом году 81 изделию народного потребления присвоен государственный Знак качества.

А вот и Каракумский канал. Уникальная стройка стала поистине всенародной. В прокладке и освоении канала принимает уча-

Ашхабадские ковровщицы рассказывают и показывают, как делают ковры...

Фото автора

стие вся страна. И люди ехали сюда отовсюду.

— Стойка дружбы, стойка братства...

Это говорит Хаджимурат Муратов. Он гостеприимен, как и другие хозяева этой экспозиции. Он хочет показать людям, пришедшим сюда, все величие перемен, которые произошли в некогда забытом, далеком крае.

К. КОСТИН

сразу же после окончания института, и вот сейчас руководит хозяйством, позволяющим Москве называться портом пяти морей. Счет здесь ведется на миллионы и десятки миллионов. Идет ли речь о народнохозяйственных грузах, о пассажирах, заполняющих многоярусные белоснежные красавцы теплоходы. Всюду миллионы. В свое время Быков знакомился с подобными водными сооружениями на реке Святого Лаврентия.

— Признаться, — сказал он, — иногда, бывало, закроешь глаза где-нибудь в заокеанской диспетчерской и стараешься представить себе, как там у нас, скажем, на Яхроме, в Дмитрове. Откроешь глаза и видишь: тут, в Канаде, такая же техника. Надо заметить, что после той поездки гостили у нас канадские специалисты, и они, обмениваясь впечатлениями о канале имени Москвы, нечто подобное же говорили мне. Я к тому вспоминаю, чтобы мы получили представление о высоких международных эталонах, достигнутых советскими людьми и в этой области.

...Не спеша наш теплоход движется по водораздельному бьефу канала, включающего водохранилища — Химкинское, Клязьминское, Пестовское, Икшинское. Подчеркиваю: не спеша. В этом убеждаемся, то и дело принимая по радио предупреждения стремительных, быстроходных «ракет», «метеоров» да и более крупных судов.

— «Рубин»! Обходи тебя с правого борта. — «Рубин»! Обходи тебя с левого борта.

Эти предупреждения нисколько не обижают нас. Ведь мы-то, в общем, и отправились в путь, чтобы обстоятельно поглядеть, как, по словам Короленко, «река играет». И вот она, эта «игра»! Самые совершенные, самые комфортабельные суда торопятся в Москву, торопятся в порт пяти морей. Среди них можно встретить и такие, которые благодаря техническому прогрессу СССР плавают с одинаковым успехом и на морях и на реках. Они так и называются, эти суда, «река — море».

Их можно встретить и в Италии и во Франции — там их загружают, а у нас, на Волге, на Каме, разгружают. Они и сейчас ошвартовались у причалов столичного порта.

Капитан «Рубина» Валентин Александрович Лялин, заметив, что я нервничаю, огорчаясь, когда рассматриваю в бинокль встречные суда и не могу узнать, откуда они и с чем идут в столицу, улыбается:

— Вашему горю могу помочь. Вот видите эту штуку. — Он передает мне маленький черный микрофон. — Нажмите рычажок, назовите судно, с которым желаете разговаривать, спросите, что вас интересует, а затем рычажок отпустите и услышите ответ, что называется, из первых рук. Разговаривать будете с капитанами.

Так начались наши заочные интервью с незнакомыми и с невидимыми людьми. В течение короткого времени мой блокнот пополняется сведениями, которыми вряд ли мог бы вооружиться, вздумай разыскивать каждого из своих интервьюируемых на суше. На теплоходе «Дон» все палубы были заполнены пассажирами. Спросил по радио капитана, что за люди, откуда.

— Из Казахстана, — ответил он. — Наш теплоход обслуживает казахских туристов. Самолетами они прибыли из Алма-Аты в Ростов-на-Дону, а сейчас путешествие завершится в Москве.

...Разговариваю с капитаном большого грузового судна «Монголия». Узнаю, что интервью дает мне единственный на Волге капитан-женщина Эльза Алексеевна Меркулова. Она идет из Куйбышева для того, чтобы взять в Москве большой груз, в том числе тракторы «Беларусь», контейнеры с оборудованием. Все предназначено для освоения нечерноземных районов страны.

...Подходим к шлюзу № 6. Капитан «Североуральска», следующего из Перми в Москву с гравием, по радио сообщает нам: «В пути

встретились сложности — в районе Воткинского водохранилища сплошной лед».

В наш разговор с капитаном врывается женский голос:

— Швартоваться каким бортиком будете?

Это, как потом стало нам известно, запрашивала вахтенный начальник шлюза № 6 Мария Николаевна Петухова. Мы ее увидели затем возле большого пульта управления, откуда она командовала судами, подходившими к шлюзу.

Мария Николаевна вот уже тридцать лет работает на канале имени Москвы. Невысокого роста, моложавая женщина в капитанской форме говорит, что с самого детства мечтала стать капитаном, но не у всех такое счастье, как у волжанки Эльзы Алексеевны Меркуловой. Пришло довольствоваться работой вахтенного начальника на шлюзе. Форма зато капитанская!

У Марии Николаевны трое детей, двое внуков. Сын сейчас в армии служит. Она считает, что канал имени Москвы можно смело назвать частичкой главной улицы России. По ней проходит флот великих русских рек. Ей приятно, что и она имеет отношение к этой вот улице, к этой главной голубой артерии страны, по которой лишь в одну навигацию проходят суда с семнадцатью миллионами тонн народнохозяйственных грузов. А на теплоходах речники России должны перевезти в этом году свыше 120 миллионов пассажиров.

Мария Николаевна обращает наше внимание на то, что среди ее подруг немало участниц Великой Отечественной войны. Она живо рассказывает нам про Таисию Николаевну Соловьеву. Сражалась на Днепре, а сейчас вновь на своем посту — открывает судам ворота. Недавно получила благодарность за спасение утопающего.

...Весна, май, начало навигации. В порту горячая пора юбилейной вахты в честь 60-летия Октября. Речники готовятся отметить еще одну радостную для них дату — каналу имени Москвы скоро исполнится 40 лет.

ПОТОМОК ГАРИБАЛЬДИЙЦА

Антонио Спадавеккиа, известный советский композитор, внук одного из солдат Джузеппе Гарибальди, сын капитана дальнего плавания, родился в России в 1907 году.

Когда Антонио спрашиваешь: «Не тянет ли вас в Италию?» — он, улыбаясь, отвечает: «Какого культурного человека не тянут к себе Неаполь, Рим, Флоренция или Венеция?! Я был там, и мне там очень нравится. У меня там много друзей. Но родина-то у человека одна! Я родился и вырос в России. Хотел стать моряком, был юнгой Черноморского флота. Но увлекся музыкой, комсомол направил меня учиться на музыкальный рабфак при Московской государственной консерватории. И вот я стал композитором».

У коммуниста Антонио Спадавеккиа богатая и счастливая биография популярного композитора. Одиннадцать опер и балетов, идущих на сценах Советского Союза и за рубежом: «Хозяйка гостиницы», «Хождение по мукам», «Овод», «Бравый солдат Швейк», «Берег счастья», «Сердце скрипки» и другие. Музыка к спектаклям драматических театров: «Недоросль», «Катрин Лефевр», «Укрощение

укротителя», «Сказка о сказке», «Приключения Чиполлино», «Буратино», «Три мушкетера» и так далее.

Я лично очень благодарен Спадавеккиа за его музыку к моим спектаклям в Московском академическом Малом театре СССР «Украли консула» и «Твой дядя Миша». Музыка эта, безусловно, украшает их.

Спадавеккиа написал несколько ораторий. Среди них оратории о В. И. Ленине, о Москве...

Семьдесят лет исполняется в эти дни заслуженному деятелю искусств РСФСР Антонию Спадавеккиа, человеку жизнерадостному, веселому, молодому духом. Недавно он закончил работу над оперой «Капитанская дочка».

«Знаете, — говорит Спадавеккиа, — если я хоть как-нибудь отражу в своей музыке величие и гениальность пушкинской прозы, я буду счастлив!»

Счастье художника — в его творческой победе.

Будьте счастливы, Антонио!

Георгий МДИВАНИ

УРОВЕНЬ МАСТЕРСТВА

гастроли

...На черный постамент, стоящий посредине зала, поднялся слепой человек. Сел и стал рассказывать о войне. Рассказывал просто, мучаясь от вновь переживаемого, страшась своих воспоминаний и торопя их.

Режиссерская манера Б. Луценко, поставившего спектакль «Возвращение в Хатынь», строга и несуетна. Поняв, прочувствовав материал пьесы, Луценко выбрал единственно верное — простоту. То, что было в Хатыни, не может осознать, вместить в себя человеческий разум. Поэтому так страдает, силясь объять все, когда-то произшедшее, главный герой пьесы слепой Гайшун (Р. Янковский). И незрячие глаза его полны гнева, боли и силы. Той силы, что взвыает сейчас, переступая через страдание свое, и памяти — детальной и вечной.

Четыре спектакля показал в Москве Минский государственный русский драматический театр имени Максима Горького — «Возвращение в Хатынь» А. Адамовича и Б. Луценко, «Последние» М. Горького, «Макбет» В. Шекспира и «Трехгрешковую оперу» Б. Брехта. Гастрольный репертуар говорит о серьезности подготовки театра к творческому отчету перед московскими зрителями. Все спектакли поставлены главным режиссером театра, заслуженным деятелем искусств БССР Б. Луценко. Он еще не вошел в тот преклонный возраст, когда принято перечислять заслуги, подчас забывая об исканиях и ошибках. Порой его постановкам не хватает стабильности, точности в расстановке акцентов. Но в них есть главное — яркость, неуспокоенность, чувство ответственности перед искусством, перед зрителем

Мастерство Луценко уже на той стадии, когда художник стремится не только к многообразию своей палитры, но и к тщательному отбору выразительных средств.

Особо следует сказать о главном художнике театра Ю. Туре. Его спектакли оформлены интересно, талантливо, с глубоким проникновением в режиссерский замысел, в самую суть драматургического произведения.

Художник помещает героев спектакля «Макбет» в пространство, ограниченное полуторевшими, полууставшими деревянными стенами, на которых призрачно, как сквозь пелену, проступают торжественные, светлые линии людей Возрождения. То ли храм, то ли замок... Спокойны и равнодушны его стены. Но в трех ярусах окон, вознесенных над сценой, в трагические моменты появляются мимы — кровавые улыб-

Артисты Л. Зайцева и В. Курган в спектакле «Возвращение в Хатынь». Фото И. Галанюка

ки на меловых лицах как бы высмеивают героев, а суевидные жесты повторяют трагедию в ином — своем измерении...

Белинский говорил, что в Макбете заключалась такая же возможность победы, как и падения, и что при другом направлении он мог бы быть другим человеком. Постановщик спектакля стремится осознать, понять истоки того «направления», что толкнуло Макбета к падению, а не к победе. Оно предначертано общественным устройством, в котором существует герой.

Луценко неторопливо разворачивает перед зрителем трагедию искусства. Смел и прост Макбет (Р. Янковский) вначале, когда он не запятнан кровью. Страшен и жален он, ждущий своей гибели. Хотел грешить и быть безгрешным — скажут о нем, преступившем законы человечности...

То ли кисея, то ли паутина облепила стены дома Коломийцевых в спектакле «Последние», задавила все вокруг, и даже чахлые цветы в горшках, везде понатыканные в доме, кажется, тоже отливают мертвенным пепельным цветом. Символом, не оставляющим возможности для недомолвок, в этом спектакле станет полицейский мундир главы семьи Ивана Коломийцева (В. Филатов). Только трое в этом большом доме ни разу не прикоснутся к мундиру. Брат Коломийцева Яков (Р. Янковский), жена Коломийцева Софья (С. Кузьмина), ее дочь Люба (Л. Зайцева). Трое, еще сохранившие способность тревожиться происходящим, ищащие истины и красоты. Дольше других не тронут мундир младшие Коломийцевы — Вера и Петр, но в конце концов и они почувствуют его цепкость и силу.

Мечутся герои в этом доме, мечутся, не находя выхода, но чем сильнее их страдания, тем острей проникаемся мы, сидящие в зале, той верой, которую исповедовал автор пьесы. Верой в победу того нравственного начала, которое, как сказал В. Воровский, «смыслило бы человеческое обожжитие и сделало бы жизнь людей разумной и счастливой».

П. ЛУКЬЯНОВА

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

Татьяна Виноградова.

Лидия Неведомская.

Надежда Михайлова.

Недавно в гостях у редакции побывала большая группа артистов. Давние друзья «Огонька», неоднократно представлявшие нам новые военно-патриотические песни,— оркестр Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии имени А. В. Александрова, Л. Неведомская — молодая пианистка, исполнившая прелюдии Шопена. Ее трактовка прелюдий своеобразна, исполнение легко и свободно.

В концерте выступили Н. Михайлова, читавшая стихи советских поэтов, певцы Т. Виноградова и Ю. Белокрынкин.

Фото Г. Розова

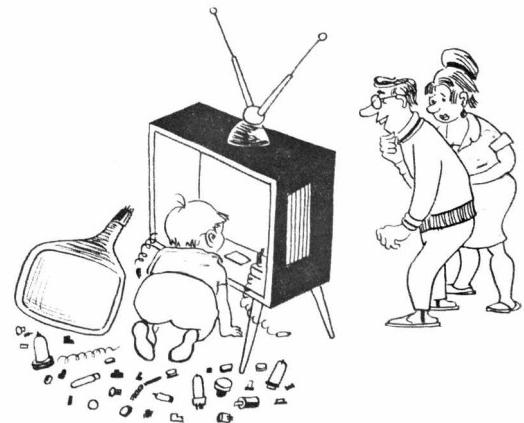
Юрий Белокрынкин.

ВОКРУГ ТЕЛЕВИЗОРА

— А что вы раньше по вечерам делали?
— Как что? С людьми встречались, гулять ходили, даже книжки читали...

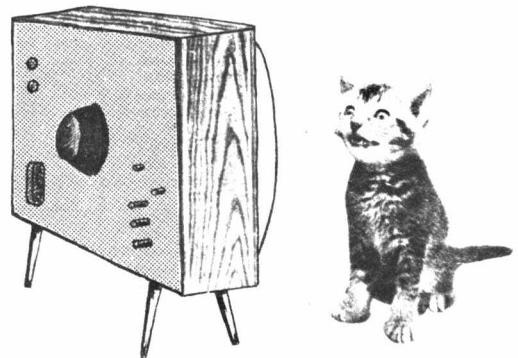
— Нашего Вовку показывают.

Рисунки
Н. ЕЛИНА

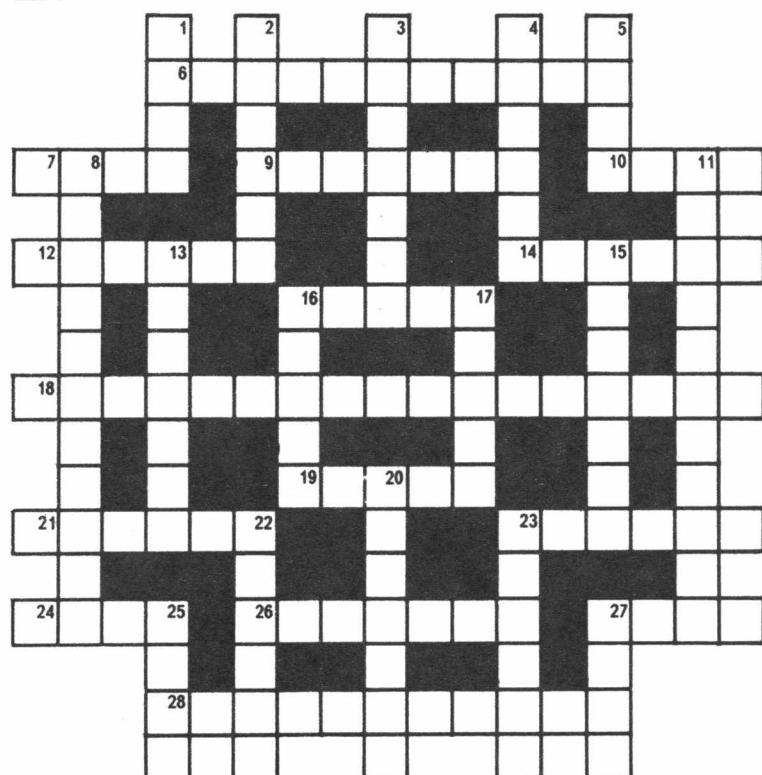

Условный рефлекс.

Интересная передача.

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Автор оперы «Паяцы». 7. Действующее лицо комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 9. Малая планета. 10. Растение, семена которого употребляются в кулинарии. 12. Денежная единица Древней Руси. 14. Нижняя часть постамента скульптуры. 16. Способ плавания. 18. Наука о художественной литературе. 19. Город в Чехословакии. 21. Вязаная фуфайка. 23. Столица Колумбии. 24. Приют Алдана. 26. Судно для плавания во льдах. 27. Площадка для игры в теннис. 28. Гриб.

По вертикали: 1. Сатирическая комедия В. В. Маяковского. 2. Жанр камерной музыки. 3. Форма стихотворного произведения. 4. Соединительная часть трубопровода. 5. Категория товара по качеству, расценке. 8. Советский писатель. 11. Окно судна, самолета, космического корабля. 13. Горный хребет в Югославии. 15. Зодиакальное созвездие. 16. Сладкий картофель. 17. Одна из главных точек горизонта. 20. Русский композитор и ученый-химик. 22. Быстрый виртуозный пассаж в пении. 23. Предмет для гимнастических упражнений. 25. Ткань с мелким рубчиком. 27. Кондитерское изделие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 5. Параллограмм. 9. Омоним. 11. Ереван. 12. Гагара. 13. Вайтч. 15. Октод. 16. Анкер. 17. Энциклопедия. 22. Крошки. 23. Сонет. 24. Клумба. 27. Понтон. 28. Парсек. 29. Свекла. 30. Естествознание.

По вертикали: 1. Дилемма. 2. Хроника. 3. Оперетта. 4. Смекалка. 6. Орегон. 7. Иматра. 8. Майданников. 10. «Камаринская». 13. Васильек. 14. Челеста. 18. Экипаж. 19. Волнорез. 20. Ангстрем. 21. Стакан. 25. Левитан. 26. Бальзак.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Строительство моста через реку Кованту. * Столица БАМа — город Тында.
Фото Дм. Бальтерманца, В. Кузнецова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья!
Фото Я. Берлинера
(Москва. На фотоконкурс)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

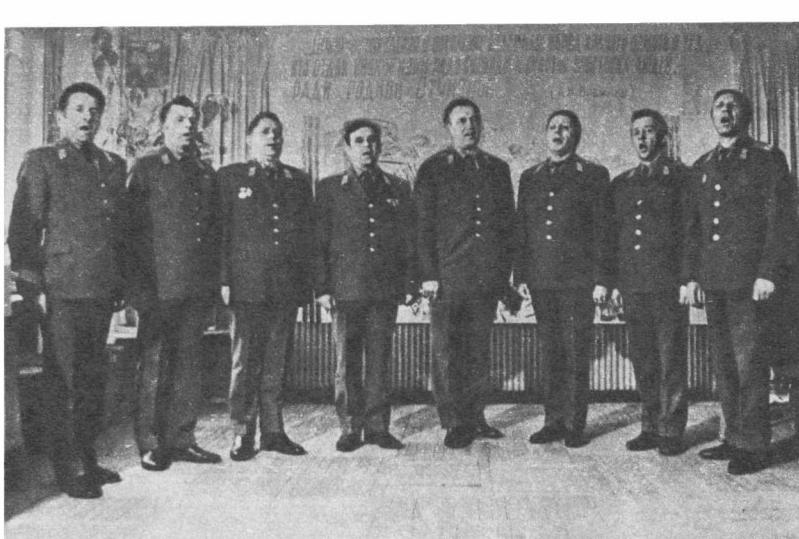
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 258-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 16/V — 1977 г. А 00361. Подп. к печ. 31/V — 1977 г.
Формат 70 × 108^{1/4}. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1241.
Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 573.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Октябрь Краснознаменного ансамбля песни и пляски имени А. В. Александрова.

Писатель:— Буду ближе к жизни!

-Н

икогда бы не подумал, что с коммунистом можно вот так сидеть за столом и откровенно по-человечески разговаривать.

— Почему же нет?

— Нас всю жизнь учили другому.

Это говорит Джон Кейбл, молодой гитарист американского ансамбля «Нитти Гритти Дёт Бэнд», приехавшего в Советский Союз по программе обменов в области культуры между СССР и США. Мы сидим за столиком ресторана в ереванской гостинице «Ани» — Кейбл, ударник и певец Джимми Фэлден, певец, гитарист и пианист Джекки Кларк и я.

— Так что же ты думаешь сейчас, после того, как провел в СССР некоторое время?

— Думаю, что у нас в всех действительно очень много предвзятых мнений и предубеждений, а такие поездки помогают от них избавиться. Знаешь, мы сюда ехали с гордостью, потому что понимали, как это важно — взаимное знакомство наших народов с культурами друг друга. Однако нам очень хотелось не только познакомить вас с одним из аспектов американской культуры, нам еще очень хотелось и почерпнуть что-то здесь. И вот что удивительно: в этом отношении мы получаем гораздо больше, чем даем.

— Как это понять?

— Мы никак не ожидали, что нам предоставляют такие широкие возможности для знакомства с вами. Причем я имею в виду не только встречи с людьми искусства — а их было много, — но контакты с аудиторией, просто контакты с людьми, которым никто, ни член и никак не препятствует.

Я слушаю Джона и вспоминаю, как несколько дней назад в Тбилиси нас пригласили в Метехский замок на встречу со знаменитым ансамблем «Горделя».

Старинные грузинские песни — крестьянские и воинские, походные и лирические — звучали в стенах древнего замка. Когда мы, ошеломленные услышанным, вышли на улицу, Джон сказал:

— Какая невероятная культура в вашей стране! И какие вы молодцы, что сохраняете ее! Жду новых встреч с грузинской культурой, с армянской, с латышской, с русской.

Но вернемся к разговору в «Ани».

— Вот что приятно, вот что неожиданно, — продолжает Джон. — А нам говорили: «У русских ничего нельзя, ничего не разрешается».

— Я искренне ожидал, — замечает Джекки Кларк, — что на наши концерты допустят лишь избранную публику, а на самом деле у нас аудитория массовая, и контакты с ней абсолютно открытые, абсолютно свободные. Такова вообще атмосфера всей поездки: нас никто и ни в чем не ограничивает.

— Джекки, я читал интервью, которое ты дал газете в своем родном городе перед гастролями в СССР. Ты говорил там, что не ожидаешь увидеть в России ничего хорошего. Но сейчас у меня складывается впечатление, что предположения несколько не оправдались. Интересно, что ты скажешь землякам, когда вернешься домой?

На лице Джекки вспыхивает обаятельная улыбка:

— Что я скажу? Скажу, что увидел открытых, теплых, дружелюбных людей, которые стремятся к миру и дружбе. Скажу, что единственное ограничение, которое я чувствовал здесь в общении с людьми, — это языковой барьер.

Особое впечатление произвело то, что ереванское телевидение записало на пленку наше совместное выступление с группой танцов Государственного ансамбля танца Армении. Это было просто великолепно.

— Так. А еще?

— По-моему, — задумчиво добавляет Джон Кейбл, — нам необходимо и экономическое сотрудничество. Вместо того, чтобы соревноваться в военной мощи, мы должны кооперироваться в таких областях, как рациональное использование природных ресурсов, например. И во многих других. Вместо того, чтобы друг другу угрожать, мы должны научиться полагаться друг на друга.

— В таком случае, Джон, как ты расцениваешь поправку Джексона, которая фактически сорвала нормальное торговое сотрудничество между СССР и США?

— Я толком не помню, что это была за поправка. Помню, был какой-то шум...

— А ты, Джимми?

Джимми молча пожимает плечами. Они за торговлю, за сотрудничество, но если Джексон еще раз проведет свою поправку, они — что? И знать об этом не будут?

— Ребята, а вы понимаете, что то сотрудничество, о котором вы сейчас говорили, и есть разрядка? И что именно эти цели ставило Хельсинкское совещание?

— Какое-какое?

— Что за совещание?

— Это какая-то международная встреча год или два назад?

Все три вопроса прозвучали одновременно. Я не смог удержаться от улыбки.

— Вы никогда не читали текст Заключительного акта?

Молчание, пожатие плечами.

— И не видели его?

То же самое.

— Здорово получается. А о том, что в СССР нарушаются права человека, слышали?

— Слышали. — Оживление на лицах при переходе на более знакомую почву.

Это уж конечно. Будьте уверены. Слышали! А о Заключительном акте — нет. О «диссидентах в СССР» они слышали, а о поправке Джексона — нет.

Что же, хочется надеяться, что поездка группы по СССР не только познакомит нас с одним из интересных аспектов современной музыкальной культуры США, но и поможет нашим гостям и многим их соотечественникам увидеть советских людей и их жизнь в более верном свете, создать более объективное представление о нашей стране.

Юрий ЗАРАХОВИЧ

«Нитти Гритти Дёт Бэнд» поет в Ереване.

«НИТТИ

ГРИТТИ ДЁТ БЭНД»

Певица Джен Гэррет.

Музыка, музыка, музыка!..

Музыканты отдыхают [Тбилиси].

Поет Джекки Кларк.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

